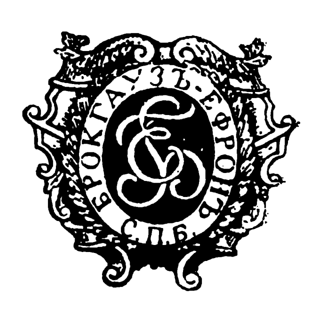
Н. П. АНЦИФЕРОВ

БЫЛЬ И МИФ ПЕТЕРБУРГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
БРОКГАУЗ-ЕФРОН
ПЕТЕРБУРГ
1924

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ
С.П.Б.

Настоящее издание напечатано
в типографии Издательства
„Брокгауз-Ефрон“ в количестве
двух тысяч экземпляров

Петрооблит № 9848

Н. АНЦИФЕРОВ

БЫЛЬ И МИФ

ПЕТЕРБУРГА

ПЕТРОГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН
1924

ПРЕДИСЛОВИЕ

Условия возникновения Петербурга и характер его последующего развития до сих пор составляет предмет острого спора русских историков. Еще не выдвинулась точка зрения, которая приобрела бы всеобщее признание. Опубликованные документы и современное состояние методов исторического исследования не дают возможности притти к общеобязательным выводам. И создание легенд, и не в меньшей степени их разрушение находит себе объяснение в психологическом настроении общества и идеологических особенностях текущего момента. **Быль и миф Петербурга остаются неотделенными** и, быть может, неотделимыми. Однако, работа в этой области должна продолжаться. Для более полного освещения вопроса о происхождении и судьбе нашего города следует обратиться ко все еще недостаточно использованному документу — самому Петербургу. Ознакомление с его топографией и его обликом поможет ориентироваться в поставленных вопросах. Такого рода подход связывает научные исследования с экскурсией. Исследовательские экскурсии в области гуманитарных наук — дело будущего. Но уже и теперь экскурсия может помочь приблизиться к пониманию изучаемого вопроса. Благодаря ей, можно испытать на себе **власть места, как источника познания**.

В настоящее время только оформляется экскурсионный метод. Но уже и теперь в руках ученого исследователя он может оказаться ценным подспорьем. В моей брошюре я не ставлю себе никаких исследовательских заданий, сознавая свою недостаточную научную подготовку в данной области. Моей задачей является подыскание путем экскурсии зрительного материала для иллюстрации тех или других моментов, связанных с изучением вопроса о происхождении и судьбе

Петербурга. В основу этой брошюры положены две экскурсии, разработанные мною три года тому назад для Музейного отдела и переработанные теперь для Экскурсионного института: «Начало Петербурга» и «Медный Всадник». В одной из них я пытаюсь разобраться в условиях возникновения северной столицы, т.-е. стараюсь ознакомиться с былью. в другой я рассматриваю творимую легенду Петербурга, оформленную Пушкиным в его «Петербургской повести». Эти темы внутренно спаяны: миф обусловлен былью.

Не являясь сторонником проведения экскурсий по одному разработанному в деталях плану, я, тем не менее, старался придать изложению характер экскурсионного плана. Надо понимать его, как один из способов проведения экскурсии на данную тему. Однако, этот план не есть простая передача экскурсии. В него включено больше материала, чем это следует для одного проведения. В рамках одной прогулки получится перегрузка. Сделано это мною в целях широкого раскрытия темы, которая должна быть, в зависимости от группы экскурсантов или от других внешних причин, соответственно сужена и видоизменена.

Характер изложения обеих тем различен. В первой (культурно-исторической), в которой преобладает познавательный момент, мною сильнее обнажены экскурсионные приемы. Во второй (литературной) с преобладающим эмоциональным моментом я старался их затушевать, характеризуя только общий стержень экскурсии.

Использованные мною темы нуждаются в повторных проработках: каждая тема скрывает в себе целую серию возможных экскурсий. Проводить следует только те, которые проработаны заново самим руководителем. Наряду с экскурсиями не следует забывать об одиноких прогулках, и я призываю своих читателей, ознакомившись с темой, пройтись одному, выбрав подходящий час, по разобранным здесь уголкам Петербурга.

I

НАЧАЛО ПЕТЕРБУРГА

Wie es eigentlich gewesen (Ranke)

В этом этюде охарактеризованы пути, ведущие к постижению образа города в передаче великого художника слова. Этим определен и подход к теме: от города к литературному памятнику.

Здесь не должно искать литературной характеристики. Здесь отмечены следы города в творчестве писателя. Для исследования литературы, как искусства, этюд может представить интерес лишь, как материал для вопросов психологии творчества. Эта книжка предназначена для тех, кто обладает сильно развитым топографическим чувством и знает власть местности над нашим духом.

Работа возникла из докладов, прочтенных в Петербургском Экскурсионном Институте.

I

ВЫШКА ИСААКИЕВСКОГО СОБОРА

Основная задача нашей экскурсии — дать характеристику условий зарождения Петербурга, его ядра и первоначального заселения. В эту тему вплетается особый вопрос социального характера: в каком отношении к типу роста древне-русских городов стоит процесс развития новой столицы; является ли он повторением старого типа или представляет собою существенное от него отклонение, или же, наконец, не имеет ничего общего с привычным на Руси типом роста города? Экскурсия распадается на три части, тесно с собою связанные. Каждая из них является, вместе с тем, самостоятельной экскурсией, лишь при исключительных обстоятельствах возможно, сильно сократив материал, провести всю экскурсию в один прием. Таким образом в этой статье будет дан, собственно говоря, цикл из трех спаянных между собою экскурсий: 1) «Общая характеристика дельты Невы и ее заселения; 2) «Петропавловская крепость, как ядро Петербурга»; 3) «Топография начального города».

При изложении буду держаться следующего метода: я буду давать только общую характеристику темы, указывая при раскрытии ее лишь вскользь на фактический материал, который читатель сможет найти в указанных мною пособиях.

Подготовка экскурсии[1]. Помимо элементарного знакомства с русской историей XVII и начала XVIII века,

[1] Разбираемой здесь тройной экскурсии следует предпослать, при цикловом экскурсионном изучении Петербурга, еще две: 1) гео-

необходимо иметь некоторое представление о характере роста старо-русских городов. Если такового у группы нет — придется провести вводную беседу на указанную тему. Большинство городов в старину развивалось таким образом: у слияния двух рек, на пригорке (по возможности), возникает Кремль, часто охраняющий торг [1]. Кремль включает в свои стены терем князя или воеводы, дома приближенных и храм, посвященный божественному покровителю данного места. Возле Кремля постепенно возникает поселок, который обносится стенами и образует посад. Часть населения, желая избежать принудительного обложения, селится на свободе за стенами посада, создавая с новым пришлым населением слободку (от слова свобода). Слободки при дальнейшем росте города втягиваются в него и обносятся, в свою очередь, стенами. (Сравнить с этой схемой рост Москвы, Пскова, Полоцка). Экскурсия должна содействовать выяснению вопроса, как сравнительно с этой схемой возник и начал развиваться Петербург.

Эту беседу надо провести вне экскурсионного материала.

Следующую тему: «Общая характеристика дельты Невы и история ее заселения», следует уже разобрать на экскурсионном материале. Для этого необходимо подняться на вышку Исаакиевского собора [2]. Отсюда можно будет охватить взором всю дельту — материнское лоно Петербурга.

Подъем можно использовать для постепенного раскрытия панорамы (применение моторного приема). Но мне кажется, что ценнее получить сразу общее впечатление и не дробить его промежуточными наблюдениями.

графическую, знакомящую с природными условиями местности; занимаемой Петербургом. 2) На Охту, чтобы ознакомиться с топографией предшественника нашего города — Ниеншанца. Последняя экскурсия разработана и проводится сотрудником Экскурсионного института А. В. Карлсон.

[1] Роль Кремля часто заменял монастырь или крепость.

[2] Последняя может быть заменена подъемом на башню Адмиралтейства.

После того, как несколько улягутся первые впечатления и каждый экскурсант разберется самостоятельно в характере панорамы, можно будет приступить к беседе.

Здесь не чувствуется резкого контраста между сушей и синеющим вдали мутным морем. Местность низкая, ровная, унылая. Суша как будто только выглянула на свет божий из пучины морской и не вполне еще успела обсохнуть, а воды тут притаились, готовые вновь покрыть «новую землю». Карта [1] сравнительно недавнего геологического периода покажет, что здесь было море, отделявшее от материка «остров» Скандинавию. Греческие и римские авторы считали ее еще в свое время островом, однако, этот взгляд быть может не отражает истины и проистекает из ложных представлений о крайнем севере Европы. Во всяком случае, можно предполагать, что Нева еще на памяти человеческой была не рекой, а морским проливом. Замечательно, что островами здесь называются урочища, неразрывно связанные с сушей. Если мы посмотрим в сторону Финляндии, мы сможем при помощи карты определить местоположение Белоострова (Валкасари), ничего общего с островком не имеющего. С обратной стороны можно наметить местность Царского села, которое называлось еще при Екатерине Сарским селом, от финского слова saari, что значит остров [2]. Впрочем, нужно помнить, что слово saari не вполне соответствует теперешнему значению слова остров.

На месте Петербурга сотни тысяч лет тому назад простиралось великое, первобытное море, покрывая почти всю русскую равнину. Это было в древнейшие геологические эпохи, кембрийскую и силурийскую, сменившие первую — архейскую. Дном этого моря являлся тот самый гранитный грунт, скрытый под почвой Петербурга на глубине около 90 сажен, который был обнаружен при устройстве артезианского колодца. Отложенья моря за долгий кембрийский

[1] Карта Де Геера. См. Обермейер. Доисторический человек.

[2] Эти примеры можно значительно увеличить. По писцовым книгам (1573 г.) большое количество деревень в бассейне Невы названы островами.

период покрыли начальное дно толстым слоем синей глины, которую легко обнаружить в окрестностях Петербурга у обрывистых берегов, размытых вековой работой речки (например, Славянки в Павловском парке у Храма дружбы). Над глиной образовались слои песчаников, их покрыл пласт черного глинянистого сланца, на него легли слои песков и глин (гладколитовая толща). Над ними отложились в силурийский период слои различного рода известняков. В силу сложных геологических явлений, выступила суша. Ледниковый период оставил на ней свой след: ледниковый нанос. Однако, под Петербургом картина другая. В продолжении веков воды размыли и снесли еще до образования ледникового наноса все позднейшие геологические образования и отчасти даже слои синей глины. Петербург лежит таким образом во впадине. «Горизонтальная линия, протянутая над городом от известняков Царского села на Парголово, прошла бы высоко над крышами петербургских домов» [1].

Если усилием фантазии восстановить размытые породы и заполнить ими впадину невской долины, «Петербург будет погребен под ними, не исключая и креста Исаакиевского собора», который в данную минуту возвышается над нами. Таким образом раскрывается величественная картина работы времени.

Осматриваемая нами местность не отлилась еще в сколько-нибудь устойчивую форму. В совсем недавнее, уже историческое время Ладожское озеро соединялось с Финским заливом широким проливом, берега которого мы отсюда можем отметить: с юга — Пулковская возвышенность, с севера — Парголовская. Летописец Нестор в начале своей «повести временных лет», характеризуя торговые пути полян, дает любопытную справку об интересующей нас местности. Приведем это место целиком, оно еще нам пригодится.

«Полянам же жившим особе по горам сим, бе путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру и верх Днепра волок до Ловоти, и по Ловоти внити в Илмерь озеро великое, из негоже озера потечет Волхов и втечеть в озеро великое Нево и того озера внидеть устье в море Варяжское, и по тому морю идти до Рима, а от Рима придти по тому же

---

[1] Б. Е. Райков. На чем стоит Петербург.

морю ко Царюгороду, а от Царягорода придти в Понт море в неже втечет Днепр река». Таково «кругосветное путешествие» наших предков. О реке Неве ни слова. Означает ли это отсутствие реки или только смутное представление автора летописного текста о наших местах, основанное, однако, на старых преданиях? В шведских источниках наша река называется Ny (Нью), что значит Новая река. Название, свидетельствующее о молодости Невы. Лежащая перед нами дельта еще более позднего происхождения. Ее историю можно проследить по данным летописи. Процесс ее видоизменения совершается чрезвычайно быстро. Находящиеся перед нами два острова — Васильевский и Петербургская сторона — были известны новгородцам и носили названия: Васильев остров и Фомин остров. Наряду с ними в писцовых новгородских книгах упоминается остров Сандуй. До сих пор не удалось установить, какое соединение островов следует под ним подразумевать. Число островов дельты возрастает чрезвычайно быстро с каждым веком.

* *
*

Перед нами «Новая земля», как бы уготовленная самой природой, чтобы послужить базой для великого города. Борьба за обладание ею ведется между двумя историческими народами: шведами и русскими. На востоке, за излучиной Невы, за красивым силуэтом Смольного собора, впадает в Неву небольшая речка Охта. На небольшой возвышенности у самого слияния шведы создали город Ландскрона. Венец земли — предел ее. Напротив него, на этом берегу Невы помещался русский поселок. Сюда докатилась колонизационно-завоевательная волна двух народов. С обоих берегов великой реки враждебно взирали друг на друга их поселения. Устье Невы, как опорный пункт для торговли с западом, было несравненно нужнее русским. Экономическое значение этого места, лежавшего на великом водном пути, понимал еще Нестор. Шведы же обладали

другими многочисленными опорными пунктами на Варяжском море. Кроме того, устье Невы в руках русских обладало бы крупным Hinterland'ом, экономически с ним связанным. Таким образом шведам надо было захватить устье, чтобы не дать чрезвычайно усилиться русским. Они преследовали скорее отрицательную цель, борясь за тот край, который для них был концом, пределом (Ландскрона). Русские на берегах Невы — великая угроза шведскому империализму.

Рассмотрение карты торговых путей (Новгорода и Москвы) расширит перспективы видимой дельты и поможет уяснить ее значение. Устье Невы: 1) завершение водных путей Руси, 2) ближайший пункт от Москвы на море, который легче всего связать с центром.

Созерцая расположенный перед нами край, мы поймем, как он был нужен для разрешения задач, поставленных русскому народу историей. Здесь действительно окно в Европу. Еще Нестор указывал, что через Нево путь в Рим. Весь ландшафт говорит о том, что здесь, в связи с общей географической ситуацией России, должен быть заложен город, который сыграет крупнейшую роль в судьбах русского народа.

Историк Петербурга Немиров, [1] учитывая важность дельты Невы с точки зрения основания торгового порта, говорит: «Идея этого города родилась задолго до Петра и не принадлежит вообще никакой отдельной личности. Это — идея, выработавшаяся исторически, в силу необходимых исторических условий, притом в силу общих удобств для такого создания именно в той местности, частные неудобства которой поэты и риторы так преувеличивают». Немиров усматривает в Петербурге преемника Новгорода, а не Москвы [2]. Вот главные вехи на пути из Руси во фряжские земли: Новгород — старая Ладога (при впадении Волхова в Ладожское

1) Немиров. Гор. Петербург до основания.

2) «Не Москва склонилась перед Петербургом». «Пред Петербургом склонился некто другой, другая, еще более древняя столица, славный русский город, который издавна назывался Господином Великим Новгородом».

озеро); Орешек на островке при истоке Невы из того же озера, заложен в 1323 году; Торговый рядок у Клетей (при впадении Ижоры в Неву); далее значительных пунков не было [1]; в дельте находился ряд маленьких поселков и вероятно сторожевых постов. (В сказании о битве Александра Невского со шведами упоминается старейшина в земле Ижорской Пелгуй, который держал «стражу морскую»).

Для борьбы с новгородцами шведы воздвигнули при слиянии Охты с Невой крепость Ландскрону.

«В лето 6808 (1300 г.) придоша из замория Свеи в силе велице в Неву, приведоша из своей земли мастеры, из великого Рима от папы мастер приведоша нарочит, поставиша город над Невой, на усть Охты реки, и утвердиша твердостию несказанною, и поставиша в нем пороки, похвалившеся оканьнии, нарекоша его: Венец земли [2] бе бо с ними наместник королев Маскалка (Mariscalcus)». Крепость просуществовала недолго.

«В лето 6809. Приде князь великый Андреи с полкы Низовьскыми, и иде с Новгородци к городу тому, и приступиша к городу, месяца мая 18, на память святого Патрикия, в пяток пред сошествием святого духа, и потягнуша крепко. Силою святыя Софьи и помощью святого Бориса и Глеба твердость та ни во что же бысть, за высокоумие их: зане всуе труд их без божия повеления; град взят бысть, овых избиша и исекоша, а иных извязавше поведоша с города, а град запалиша и разгребоша. А покои господи, в царствии своемь душа тех, иже у города того головы своя положиша за святую Софью».

Так, подражая библейскому языку, описал Новгородский летописец первую попытку шведов основать город — страж для великого водного пути из Руси. Местность долго сохранила память о Ландскроне. Спустя полтораста лет, в документах встречается это наименование для определения этой местности. В 1500 году здесь помещалось сельцо Усть Охта в 18 дворов. Казалось, что берега Невы закреплены за Россией. Но понятие России за эти годы совершенно видоизменилось. В 1475 году пал Великий Новгород, его купечество было разгромлено, а вместе с ним пали и те торговые отношения, которые связывали Русь с Западом. Московия проложила новые пути, воспользовавшись случайным посещением устья Северной Двины английского судна капитана Ченслера, заплывшего сюда 1553 г. во время поисков северного водного пути в Азию.

---

[1] Немиров продолжает ставить вехи: Ниеншанц, — Петербург — Кронштадт; но их в одной плоскости поместить нельзя.

[2] Летопись по синодальному списку.

Борьба Иоанна Грозного за балтийские города в случае удачного завершения должна была вернуть дельте Невы утраченное значение. Разгром московских войск Стефаном Баторием привел к миру 1583 г., который отрезал Московию от Балтийского моря. (За шведами остались города Ям, Копорье и Корела). В смутное время на месте средневековой Ландскроны была основана новая крепость Ниенсканц (по-немецки Ниеншанц), что означает «Невское укрепление». Столбовский мир (1617 г.) закрепил за шведами финское побережье от Нарвы до Корелы. Во время русско-шведской войны (1656 — 59) русские временно овладели Ниеншанцом, но по миру должны были вернуть Швеции.

Вековой спор русских со шведами был решен в знаменательную эпоху великого перелома России в начале XVIII века.

Продолжатель политики грозного царя, Петр Великий, конечно, был прекрасно осведомлен о значении устья Невы и мысль об основании здесь города-крепости должна была созреть в его уме задолго до начала Северной войны.

Отсель грозить мы будем шведу.
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу,
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.

Это понимал Петр, понимали руководители русской политики, понимали и во вражеском стане. Нельзя было создать из онемеченных прибалтийских провинций прочной базы для России. Нужна была новая земля, свободная от крепких и цепких чужеземных традиций. Полу-русская окраина Швеции была несравненно более подходящей базой для создания нового города. Он возникает не как преемник Новгорода в конце великого водного пути из нескольких бедных деревушек, превратившихся в торговое поселение [1]. Можно сказать с уверенностью, если бы здесь были только топи блат и тьма лесов, — все равно Москва, победив Швецию, должна была бы создать здесь свою твер-

[1] Точка зрения Немирова.

дыню и, вместе с тем, главный порт Российского государства, чего бы это ей ни стоило.

Труднее определить, когда созрел план создания новой северной столицы. Можно думать, что идея ее созрела у Петра еще до основания Петербурга. Вспомним его нелюбовь к Москве. Там Петр пережил много страшных минут, там встречал он наиболее упорное сопротивление своим реформам. Старая столица, объединительница русской земли, была опорой старины. Может быть еще во время путешествия заграницу Петр, знакомясь с городами Запада, в особенности с теми, где много воды, что было так любо ему, возмечтал о создании новой столицы, своего города, который явился бы выразителем обновленной России. Конечно, это только гипотеза, которая сможет сделаться научно установленным фактом лишь после того, как будет найдено непреложное свидетельство о подобной мечте Петра. Но трудно надеяться на такую находку. Весьма возможно, что эту мысль великий реформатор лелеял в тайне. Но психологическую возможность ее опровергнуть трудно, настолько она естественно могла появиться. Итак можно допустить, что у этого царя, «в котором была сосредоточена энергия и жестокость конвента 93 года и революционная сила его» (Герцен), должна была созреть мысль о новой столице, на им самим покоренной земле, которую бы он мог создать по своему вкусу, где он заложит свои традиции и которой откроет новый период русской истории [1].

[1] В революционные эпохи, связанные с ломкою быта, в эпохи больших социальных катастроф перенесение столицы достаточно естественно. Вспомним великого фараона-реформатора Аменготепа IV (XVIII династии), который стремился ввести единобожие и объявил войну старой религии, тесно связанной со всем социальным строем и бытом Египта. Аменготеп IV покинул старые Фивы и в центре империи основал новый город Яхт-Атон, куда перенес столицу. В новой столице было все устроено по новому.

Вспомним Константина Великого, не побоявшегося, проводя свои реформы, перенести столицу из «Вечного города» в свой Константинополь, на месте маленькой Византии.

Не перенести же столицу в Ригу, Ревель или Нарву, где крепки свои традиции, где многочисленное и прочно обосновавшееся нерусское население? Конечно, нет. Конечно, это неподходящее место для обновленной России. Для вина нового нужны и меха новые.

Но для того, чтобы основать столицу на брегах Невы, нужно было сломить мощь Швеции, переживавшей в это время период расцвета.

Северная столица могла быть создана только в городе стратегически сильном, и вместе с тем, с большими экономическими перспективами. Великая река, струящаяся перед нами в своих гранитных берегах, подсказывает мысль о торговых выгодах лежащей перед нами местности. Дельта и виднеющийся в морской дали остров Котлин [1], лежащий, как страж, у устья, могут быть хорошо использованы стратегически.

Здесь уже при шведах возрастал значительный город, создававшийся при крепости, Ниеншанц. К концу XVII века он имел уже до ста своих торговых кораблей. Он являлся посредником в торговле между Россией и ганзейскими городами, а отчасти и Швецией. Таким образом он брал на себя функции, которые должны были скорее принадлежать русскому городу. Успехи Ниеншанца могли ясно показать, во что должен был бы обратиться город, воздвигнутый здесь в качестве русского порта, который обладал бы колоссальным Hinterland'ом и во-вторых принадлежал бы государству, обладающему огромными рессурсами для быстрого создания города на «болоте». Историк Петербурга П. Н. Петров утверждает, что «пример быстрого вырастания на Неве шведского города бессомненно приходил на мысль Петру I при обсуждении мер для будущего развития производительных сил России» и северная война, предпринятая им, должна была вернуть России дельту Невы. Весь ход русской истории подготовлял основание здесь великого города

[1] В старину Котлинг.

и руководители государства, боровшиеся за балтийские берега, должны были ясно сознавать лежащую перед ними задачу.

* *
*

Что же представлял из себя окружающий нас ландшафт в эпоху, предшествующую основанию Петербурга.

По мшистым топким берегам
Чернели избы тут и там,
Приют убогого чухонца.

Эта выразительная картина верна только относительно прибрежной полосы дельты, где мог стоять Петр «на берегу пустынных волн», погруженный в думу о великом будущем этого края.

Окрестность представляла собою в значительной степени болотистую почву, покрытую частью лесом.

Места, находящиеся несколько выше по течению, ближе к Ниеншанцу, были более или менее заселены. Большая новгородская дорога проходила приблизительно по краю литейной части за церковь Знамения и около Кирочной разделялась на три тропы: правая вела к Спасскому посаду, где теперь виднеются главы Смольного собора; средняя — на Сюврину мызу, у Литейного моста; левая — к Фонтанке, где находилась мыза маиора Конау (у Инженерного замка). На месте Летнего сада разбит был голландский садик. Мы сможем ориентироваться, исходя из видимого нам Литейного моста, Смольного собора, Инженерного замка и Знаменской церкви, отметив на плане линии новгородской дороги и трех тропинок.

Далее: вот здесь под нами, где теперь Адмиралтейство, ютилась маленькая деревушка в 5 дворов. Вот там на Благовещенской площади, против Николаевского моста — другая «Гавгуево». Обратим взоры на регулярно застроенный Васильевский остров. Его название — древнее, новго-

родское. Финны же нарекли его Хирвисари, что значит Лосиный остров. Очевидно, здесь место было глухое.

В глубине его затерялся маленький поселок лоцманов. А вот здесь, перед нами, на стрелке, отмеченной биржей и рострами, находился охотничий домик Делагарди. Петербургская сторона в старину называлась Фомин остров (свидетельство писцовых книг). Ее финское название — Койвусари (Березовый остров). Здесь находилось поместье Биркенгольм. Видимо, в лесу, покрывавшем остров, преобладали березы. За этим островом виднеется Аптекарский тогда Карписари — еловый. Перед Петербургской стороной, где теперь крепость, — островок Енисари, Заячий. Все эти названия говорят о власти окружающей, еще дикой природы. На месте Марсова поля — болото в котором терялись речки Мья (Мойка) и Кривуши (теперь Екатерининский канал). Отыскивая эти места на лежащем перед нами пространстве, мы ясно сможем представить разбросанность всех этих селений среди неприютного ландшафта.

И Петербург

Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво.

Поэт не исказил истины, а только сгустил краски. Это его право.

Должны были произойти великие события, вызвавшие ту огромную энергию, которая, забутив топь костями, смогла создать здесь новую столицу. Конечно, до тех пор, пока не была сломлена мощь шведов, положение русских на берегах Невы было непрочным. Надо было стратегически укрепить дельту, затем создать порт и административный центр в занятом крае, только тогда можно было предпринять и перенесение сюда всероссийских учреждений и превратить новый город в столицу. На это потребовались годы. Только после полтавской победы, повлекшей крах

шведского империализма, можно было осуществить старую мечту: перенести центр русской державы во вновь созданный город святого Петра.

* *
*

Перейдем к следующей теме: застроение нового города. При основании Санкт-Питер-бурха никакого плана его застройки не было. Как было сказано выше, еще несколько лет приходилось думать об его удержании. Понятно, что первой возникает крепость, окружающая заложенный собор. Городок возникает вблизи. Само название, которое дал новорожденному его крестный, свидетельствует о том, какое значение придавалось ему с самого основания.

Петропавловская крепость перед нами. Всмотримся в нее отсюда с высоты птичьего полета. Это будет первымвпе чатлением, которое потом придется углубить и проработать.

Крепость явилась ядром города. Как же обозначился рост его? Мы отсюда с вышки Исаакия сможем отметить места, занятые первыми сооружениями Петровской эпохи. Это будет прежде всего район, примыкающий к Троицкому собору, где, вероятно, находился Биркенгольм. Далее — стрелка Васильевского острова и прилегающая к ней полоса Невы, где мы сейчас можем отметить своеобразное здание Кунсткамеры с башенкой, затем длинное здание 12 коллегий, ныне университет, за ним виднеются развалины недавно уничтоженного гостиного двора, далее большое тяжелое здание, легендарный «закок Бирона» — Тучков буян [1]. Еще левее, на углу Кадетской линии, большой дворец князя Меншикова, первого губернатора новой области. На нашей стороне, на Благовещенской площади, находился каторжный двор. На месте грандиозного Исаакиевского собора, на вышке которого находимся мы, стояла скромная церковка, посвященная тому же святому, празднование памяти которого совпадало с днем рождения Петра. Там, где возвышается

[1] Замок Бирона, хотя и относится к последующей эпохе, все же может быть здесь отмечен. Столь выразителен его облик.

теперь Адмиралтейство, в 1704 году 5-го февраля была заложена верфь [1].

Далее тянулись дома Дворцовой набережной, за Царицыным лугом — Летний сад с летним дворцом. А еще далее, против Литейного моста — пушечный литейный двор. В окрестностях его, за Фонтанкой, Трезини отводил места царедворцам.

Вот главные места заселения первоначального Петербурга. Сравним их с местами, заселенными до основания города Петрова. Вывод от этого сопоставления ясен: новый город оседал прежде всего на старых местах. В этом болотистом крае не было большого простора для выбора баз для нового строительства. Петербургу была дана первоначальная канва.

Заранее обдуманного плана застройки не было. Не на terre viergienne создавался новый город. Его рост был предопределен не произволом сознательной воли, как бы сильна она ни была. Не по раз навсегда намеченному плану строился Петербург, но и не слепой случай руководил его судьбой. В исторических процессах случай приобретает только тогда значение, когда он попадает в русло действующих сил своего времени. Тысячи «случаев» исчезали бесследно, только те смогли отразиться на ходе исторических событий, которые соответствовали направлению творческих сил текущего момента. Поэтому нельзя одной только случайностью объяснять что бы то ни было в истории. С упорством стремились строители Петербурга овладеть ростом города, но органические процессы не поддаются полному подчинению сознательной воли. Возникают планы, но только частично находят свое воплощение. Происходит борьба, следы которой можно проследить на конфигурации города. Печать сознательно направленных стихийных сил, творивших Петербург, ясно запечатлелась на его ре-

[1] Современное нам Адмиралтейство перестроено Захаровым в период 1806 — 23 года.

гулярном облике, который так ярко свидетельствует о себе отсюда, когда на него смотреть с вышки Исаакия. Впечатление от стройных масс «архитектурного» в своем целом облика северной столицы навсегда врежется в память.

Мы видим отсюда и правильную планировку Васильевского острова и Адмиралтейство, главное здание морского порта, стянувшее к себе бесконечные проспекты: Невский Гороховую, Вознесенский. В этот же центр упираются и Галерная и Миллионная. Его окружают: широкая Нева, Дворцовая площадь, Александровский сад и Сенатская площадь. Трудно найти лучше поставленное и подчеркнутое здание. Из этой полярной звезды исходят длинные лучи, открывающие прекрасные перспективы.

Весь облик города свидетельствует об участии в его создании сознательной воли. Вместе с тем, он говорит о чрезвычайно быстром росте, при котором только и возможен подобный размах. Большие масштабы осуществимы только при условии их быстрого выполнения. Стихийный рост, медленно совершающийся, их исказит.

Интересно сопоставить план Петербурга с другими городами, выросшими в грандиозные центры в эпоху капитализма, например, с Новым Орлеаном. Мы увидим, что едва намеченное в Петербурге нашло здесь последовательное развитие, доведенное до утрировки. Мы найдем и адмиралтейскую звезду, распустившую здесь веером свои многочиленные лучи, найдем и шахматную доску Васильевского острова и рот Измайловского и Семеновского полка, чудовищно разросшуюся.

Петербург хранит на себе печать сознательной творческой воли, которая стремилась овладеть стихийным ростом города, как только было обеспечено его будущее. Грандиозные планы возникали один за другим. Попытки их осуществить обычно терпели крушение. Кое-что удавалось. Например, слияние Екатерининского канала с Мойкой и последней с Фонтанкой. Каналы окаймляют поясами левобережный город, подобно стенам старых городов,

придавая совершенно особый характер плану города. Но и те проекты, которые потерпели крушение, оставили следы попыток их осуществления. Для примера вспомним смелый план Леблона превратить Васильевский остров в подобие Венеции. Эту приморскую часть дельты предполагалось прорезать каналами, пересекающимися под прямыми углами. Создать каналы не удалось, но линии и проспекты Васильевского острова с ихдалекими перспективами своей сетью напоминают нам мечту Леблона.

Перейдем к итогам осмотра панорамы северной столицы.

Топография первоначального Петербурга отмечена нами рядом зрительных впечатлений.

1) Ландшафт: болотистая низина, на севере и юге небольшая возвышенность. Широкая многоводная река, образующая дельту. Море и остров Котлин. Тема беседы: географические условия и их значение для образования здесь большого города. Демонстрация карт: а) геологической, в) торговых путей, с) плана Петербурга.

2) Выделение мест, заселенных до основания Петербурга. Тема беседы: что представлял из себя этот край в эпоху господства шведов и каково было для них значение обладания им.

3) Место зарождения Петербурга и первоначальные места заселения. Тема беседы: характеристика роста города.

4) Общая характеристика облика Петербурга [1] (сличение плана Петербурга с планом Н. Орлеана).

II

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ.

Вторую часть экскурсии следует начать на берегу Невы [2]. Лучше всего на Троицком мосту (встретивши

[1] Еще раз подчеркиваю, что приведенный здесь материал не предназначается для одной экскурсии. Им нужно пользоваться, в зависимости от характера группы.

[2] Можно для приезжающих из других городов и в тот же день, если первая часть экскурсии была проделана утром.

группу у памятника Суворова). После впечатлений, полученных с высоты птичьего полета, очень ценно оказаться вблизи Невы, воспринять мощный напор ее вод, заключенных теперь в гранитные берега.

Созерцание реки приблизит нас к восприятию исконного ландшафта.

Обратим теперь внимание на оба берега реки. С одной стороны, прямая линия набережной, застроенной непрерывной цепью дворцов. С другой, суша разрывается двумя рукавами Невы, отделяющими Васильевский остров, Петербургскую сторону и Выборгскую сторону: все три части города столь различны! Остановим наше внимание на Петербургской стороне. Здесь всё противоположно левому берегу. Линии неправильны. Среди разбросанных низких домов, среди заборов отдельные высокие здания; много зелени. Это — древнейшая часть города, впоследствии заброшенная.

Перенесемся теперь в глубь времён.

Представим себе за Марсовым полем мызу Канау, а на Петербургской стороне — Биркенгольм, чтобы воссоздать картину берегов в тот момент, когда сюда впервые прибыл Петр. Если смотреть вверх по течению, то мы сможем отметить, ориентируясь на силуэт Смольного собора, находившийся за ним Ниеншанц, осажденный в этот момент русскими войсками.

Петр с отрядом солдат предпринял рекогносцировку и направился к желанному устью Невы, подыскивая место, которое смогло бы оказаться подходящей базой для крепости. О городе с великим будущим можно было пока только мечтать. Реальной задачей являлось создание опорного стратегического пункта. Но значение взятия Ниеншанца учитывалось современниками, и Виниус писал, поздравляя Петра со взятием этой крепости: «этим городом отверзошася пространная порта безчисленных вам прибытков».

Если смотреть вниз по течению, видно, у стрелки В. О. водораздел, от большой Невы отделяется малая. Там дальше, за мачтами уже недалёкое море. К нам ближе перед водоразделом — небольшой островок Енисари (Заячий). Над ним возвышается твердыня северной столицы — Петропавловская крепость. Перед нами над Невой выступают ее гранитные стены и бастионы, и над ними высоко вознесшийся золотой шпиль. Можем ли мы назвать ее Кремлем Петербурга? Найдем ли подле неё следы посада, окруженного слободками? Сможем-ли вскрыть знакомые нам черты роста старорусского города?

Путь к крепости лежит через Троицкую площадь. Пока не следует на ней фиксировать внимания. Остановка перед деревянным мостом, ведущим на Енисары. Здесь легко разобраться в положении крепости. Вполне ясно вырисовывается ее островное положение. Рукав реки узкий, течение почти незаметное. Петербургская сторона, называемая в эпоху начала Петербурга Городской остров, в части, прилегающей к этому рукаву Невы, почти не застроена. С одной стороны, большая Троицкая площадь, далее Александровский парк. Перед ним несколько новых зданий. Но во всяком случае, характер изолированности, который предписывается стратегическими законами, сохранился в достаточной мере.

В виду того, что осмотр крепости является лишь элементом экскурсии, хотя и существенным, приходится из богатого материала произвести выборку, останавливаясь лишь на том, что является особенно характерным для облика крепости или существенным для нашей темы.

Пройдя Иоанновский равелин под Иоанновскими воротами, остановимся перед Петровскими воротами. По левую руку выступает Царский бастион, по правую Меншиковский, первый каменный бастион. Всех бастионов шесть; они носят названия наблюдателей за работами первоначальных земляных валов. Остальные четыре: Нарышкинский, Тру-

бецкой (со стороны Невы), Зотовский, Головкинский (со стороны рукава). Перед нами каменные стены, постройка которых затянулась и была окончена в половине XVIII века, после их перестройки по проекту Ганнибала (предка Пушкина). Если группа знакома с Кремлем, полезно сделать сопоставление впечатлений от крепости XVIII века с воспоминаниями о средневековом вале, зубчатых стенах и высоких башнях. После этого можно перейти к разбору Петровских ворот.

Строение состоит из двух частей: нижнее, в форме прямоугольника, заключает в себе проход и две ниши со статуями Марса и Венеры — божеств, особо чтимых Петром. Верхняя часть на подобие «щита» с двумя валютами. В нее вставлен деревянный, густо закрашенный барельеф, изображающий чудо апостола Петра — низвержение Симона-мага. Кроме валют к элементам барокко, могут быть отнесены раковины в нишах и бурное движение сцены барельефа. Однако, здесь барочный стиль сдержанный, несколько грубоватый.

Это древнейший памятник Петербурга, законченный прежде самого собора. С ними связано имя первого строителя Петрова города, «инженера» и «полковника от фортификации» Доменика Трезини. Деревянный барельеф и статуи — работы немецкого мастера Конрада Оснера. Первоначально ворота были деревянные (1708 г,). Спустя 10 лет, они были перестроены из камня. Из их описания и из детали панорамы Зубова мы узнаем, что над воротами, как часто встречается у строений начального Петербурга, возвышалось 5 фигур: апостол Петр между двух ангелов с трубами, а у самого края — две женских символических фигуры, одна с крестом и книгою, другая с якорем. С обратной стороны статуя Николы Морского. Все это исчезло. Ворота приобрели более простой и спокойный характер [1].

[1] Описание ворот в 13 выпуске „Истории русского искусства“ И. Э. Грабаря.

По входе в крепость нужно остановить внимание на общем впечатлении. Пред нами замкнутый мирок. Низенькие, приземистые, прочные дома. Много зелени. Большая площадь. Над всем возвышается, объединяя все в своем спокойном движении, башня собора. Чувство простора.

По мере развития работы экскурсии, постепенно съужался объект осмотра: 1) общая панорама Петербурга; 2) Петропавловская крепость над Невой; 3) бастионы, стены и ворота, как ансамбль одной части крепости; 4) Петропавловский собор.

Проработка впечатлений становится все более детальной.

Осмотр собора нужно начать с внешней стороны. Впечатление от колокольни поглощает впечатление от самого храма. Перед осмотром колокольни следует подойти к ней вплотную и потом, постепенно отступая, наблюдать за тем, как будут разворачиваться ее размеры и как легко и свободно вознесется над ней блещущая золотом «игла». Далее, осмотр заднего фасада. Разбор щита алтарной стены. Анализ архитектурных деталей. Элементы барокко. Выделение позднейших, нарушающих стиль, порталов. Сопоставление со стилем Петровских ворот.

При осмотре собора необходимо дать справку об его истории. С его основанием связан вопрос о времени и обстоятельствах начала Петербурга. Легенда гласит: «16 мая 1703 года Петр сложил крестообразно два дерна и сказал: «здесь быть городу». Над ним в воздухе парил орел». Интересная черта: перед нами основатель города в понимании античной религии. Невольно вспоминается Ромул в момент основания Рима на Палатинском холме, когда 12 коршунов парило над его головою.

Какая историческая правда скрыта за этим мифическим образом? Историки нашего города расходятся между собою в двух вопросах.

1) Когда основан Петербург?

2) Был ли Петр при его основании?

Во время двухсотлетнего юбилея северной Пальмиры на столбцах газет возникла оживленная полемика по вопросу о том, когда праздновать день рождения Петербурга, его Palilii [1].

Петр в «Марсовой книге» в 1713 установил день празднования 16 мая.

«Между тем временем г. капитан бомбардирной роты (то-есть Петр В.) изволил осматривать близь к морю удобного места для здания новой фортеции, и потом в скором времени изволил обыскать единый остров, зело удобный положением места на котором вскоре, а именно маия в 16 день в неделю (т.-е. в воскресенье) пятидесятницы фортецию заложил и нарек имя оной Санкт-Петербург».

На основании этой традиции столетний юбилей справлялся 16 мая. П. Н. Петров пытался отвергнуть эту традицию:

«Первая бумага из Санкт-Петербурга до сих пор известная уже с числом 1 июля 1703 года; но 28 июня еще обычная помета: «из лагеря при Шлотбурге» [2]. В виду этого почтенный историк приурочивает дату основания к торжеству закладки Петропавловского собора.

«Эта закладка храма апостола Петра и есть в то же время основание Петропавловской крепости, Санкт-Питербурх» (курсив Н. П. Петрова).

Защитники старой традиции указывают во-1-х на то, что, согласно целому ряду документов (напр., донесение Плейера, австрийского резидента при русском дворе), выясняется картина энергичной работы над крепостью до 29 июня (аргумент Гр. Немирова); 2) документы помечались Шлотбургом в летние месяцы 1703 года по той причине, что там был главный стан царя. «Вряд ли можно сомневаться, что при Петре считался днем основания Петербурга — троицын день 16 июня 1703 г.». Во имя св. троицы названа и старейшая петербургская церковь (аргумент проф. С. Ф. Платонова). В виду неясности всех данных, Гр. Немиров предлагает расчленить торжество на празднование закладки крепости 16 мая и основания Петербурга в день крестин города 29 июня, в день Петра и Павла.

Очевидно, вся эта терминология весьма условна.

Крепость, заложенная 16 мая в горячее время борьбы, была превращена 29 июня в цитадель нового города, охра-

---

[1] День основания Рима справляется до сих пор. Этот праздник называется Palilii.

[2] Так Петр переименовал по взятии — крепость Ниеншанц.

няющая его храм. Дату 16 мая следует удержать: спорность вопроса не дает права изменять традиции, ведущей свое начало от самого Петра.

Перейдем к рассмотрению второго вопроса. Был ли Петр при закладке крепости. Этот вопрос приобретает интерес, если рассматривать эту закладку, как основание Петербурга. Здесь мы снова встречаемся с противоречивыми взглядами. Разногласия основаны на различном толковании одного и того же документа.

Обратимся к его разбору. Это «юрнал» передвижной бомбардирской роты. Ее капитаном был Петр Михайлов (император); поручиком Александр Меншиков, подпоручиком Андрей Лефорт. Составителем «юрнала» мог быть писарь Иван Муханов. Вот интересующая нас выдержка из этого походного дневника.

1703 г. Май в 10-й день благодарный молебен [1];

в 11-й день капитан пошел в Шлиссельбург сухим путем

в 13-й день на яхте гулял на озере верст 10 и больше;

в 14-й день приехал на Сяское устье;

в 16-й день в неделю пятидесятницы пошли [2];

в 17-й день приехали на Лодейную пристань;

в 20-й денъ Иван Синявин [3] к нам приехал;

в 22-й день спустил на воду галиот, именуемый «Курьер»;

июнь 26-й день отпущен в Шлотбург:

июль 21-й день. Капитан к нам приехал на Лодейную пристань.

В этой выдержке прежде всего неясно, от чьего лица ведется юрнал. Некоторые думают, что от лица капитана, т.-е. Петра. Однако, из последней выдержки явствует, что царь некоторое время отсутствовал, а дневник не изменил своего характера. Кроме того, к кому относится загадочное «отпущен в Шлотбург»; если царь, то кем отпущен? Итак, нельзя с уверенностью определить, о ком идет речь в дневнике. С достоверностью можно относить запись к Петру только там, где прямо говорится о капитане. Если это так, то запись от 16 и 17 отнюдь не свидетельствует об отсутствии царя при закладке крепости. Некоторые другие данные заставляют скорее думать обратное.

13 мая он действительно еще находился в Шлиссельбурге, что явствует из его письма к Б. П. Шереметеву в Шлотбург (т.-е.

[1] По случаю взятия капитаном Михайловым двух фрегатов на устье Невы, близ Екатерингофа.

[2] Троицын день (воскресенье), закладка Петропавловской крепости.

[3] Боцман, вооружавший на транспорте суда.

в Ниеншанц). В этом письме он сообщает «а я сам буду к вам». К сожалению, в этом письме есть неточности, которые заставляют заподозрить верность даты 13-го.

Далее. Письмо Т. Н. Стрешнева из Москвы, адресованное Петру («господину капитану поднесть»), имеет пометку: «Принято с почты в Шлотбурге мая в 15-й день 1703 года».

Петр беспокоился из-за медлительности работ в Лодейной верфи и отправил туда 11 мая свою роту, чтобы оказать давление на выполнение заказов. Возможно, что «капитан», по неведомым причинам, решил сопровождать ее до Шлиссельбурга, откуда он выехал 13 мая, чтобы присутствовать при закладке крепости. Но это только предположение.

Вопрос об участии Петра в закладке Петропавловской крепости до сих пор не может быть признан решенным, а, следовательно, преждевременно разрушать в этом отношении миф о Петре, основателе Петербурга[1].

Как бы то ни было, возникновение Петропавловской крепости и собора означало рождение Петербурга на знаменательном месте вековой борьбы двух народов.

Петр захотел подчеркнуть ее значение для нового города величием ее колокольни, которая должна была затмить собою гордость Москвы — Иоанна Великого, и занять господствующее место в облике северной столицы. Собор строил Д. Трезини. Петр торопил с башней и пренебрегал самим собором: «А церковные от фундамента весть стены по мало». Это отношение сказалось на ансамбле: колокольня совершенно затмила собор. Мощный орган должен был возвещать гражданам нового города о полуденном часе, приковывая их внимание к Городской башне. Ее описание, относящееся к 21 году, мы находим в записках Берхгольца. В 1756 году от удара молнии произошел пожар, разрушивший собор. Он был потроен заново Растрелли и Чевакинским, которые должны были видоизменить его согласно вкусам своего времени. Хорошо сличить теперешний вид с рисунками собора из «Истории русского искусства»

[1] Конечно Петр независимо от того, был ли он или не был при закладке крепости, остается основателем. Здесь имеется в виду атичное «Conditor urbis».

И. Грабаря. К сожалению, изображения неясны и нельзя по ним произвести реконструкцию собора.

При осморе храма внутри следует принять во внимание два момента: 1) культурно-исторический — тема: рост западных влияний; 2) художественный — тема: развитие стиля барокко.

Большой интерес представляют царские врата Зарудного, одного из наиболее ярких выразителей после-петровской эпохи, создателя барочной Меншиковской башни в Москве. При осмотре подчеркнуть: 1) их «католический» характер; 2) нарастание движения по мере удаления от земли и его все более страстный ритм.

Далее — ораторская кафе́дра с золотыми фигурами апостолов Петра и Павла. Справка о развитии церковного ораторского искусства при Петре и любовь последнего к этим «предикам». В соборе хранятся изделия церковной утвари, приписываемые работе Петра.

Помимо этих предметов, характерных для идей и вкусов пореформенной Руси, эпохи начала Петербурга, внутри храма следует обратить внимание на «усыпальницу дома Романовых». Правильными рядами, в одинаковых мраморных саркофагах скучного, казенного характера, размещены могилы всероссийских самодержцев, начиная от Петра Великого, погребенного здесь по своему желанию, когда собор представлял собою еще деревянную церковь. Помещение здесь склепа дома Романовых должно было подчеркнуть высокую оценку значения Петропавловского собора [1].

По выходе из собора следует посетить еще одну реликвию петровской эпохи. В особом павильоне помещается «дедушка русского флота». Домик был построен одним из первых представителей новой школы, Земцовым. Он обветшал и был заменен в 1762 году новым. Насколько реставрация

---

[1] Некоторые могилы становились предметом особого культа. Особенно это нужно сказать о могиле Павла I, таинственно погибшего в мартовскую ночь.

соответствовала первоначальному виду — судить трудно. Мы отметим барочные формы оконных наличников и крыши, украшенной нимфой, опирающейся на весло. (Классические порталы, видимо, — позднейшие пристройки). Ботик небольшой (длина 19 ф. 9 д., ширина 6 ф. 9 д., высота мачты 21 ф.). На корме снаружи деревянный раскрашенный барельеф, изображающий выходящего из дома старца, благословляющего корабль, колышащийся на волнах. Не Никола ли морской? Дом коричневый, несколько напоминает, как мы это увидим, домик Петра Великого.

Ботик принадлежал Никите Романовичу (патриарху Филарету). Петр использовал его со своими «потешными» на реке Яузе. Когда он ногою твердой стал при море, он приказал привести ботик из Москвы и устроил ему в своем Парадизе торжественную встречу с молодым русским флотом.

По поводу двух других примечательных строений следует ограничиться небольшими справками. Я имею в виду Монетный двор и Трубецкий бастион. Чеканка монет началась еще в 1731 году. Что же касается интересной темы: «Петропавловская крепость, как тюрьма», то ее включить в нашу экскурсию невозможно. Материал так велик, что с трудом может быть использован в одной специально разработанной теме. Здесь же ограничимся несколькими замечаниями. Петропавловская крепость сделалась местом заключения политических преступников чуть ли не с первых лет ее существования. Уже Берхгольц называет ее русской Бастилией. Одной из первых жертв был непокорный сын, царевич Алексей, один из участников создания этой крепости...

После осмотра зданий внутри Петропавловской крепости следует выйти за ее стены и посмотреть на город с берегов Енисари.

Первый выход — под воротами у Головкинского бастиона. Здесь вид особо мрачный, стены почернели. Здесь сохранилась первоначальная кладка Трезини[1]. Отсюда откры-

---

[1] Предположение В. Я. Курбатова.

вается вид на Кронверк. В 1706 году для укрепления крепости здесь были устроены валы. Они сохранились до царствования Николая I, при котором здесь были построены огромные дома из красного кирпича в ложно-готическом стиле, в одном из них помещается «Артиллерийский музей». Виднеются деревья парка. Здесь находилось кладбище, где хоронили рабочих-строителей Петербурга. При постройке Сытного рынка находили их кости. Поэт Полонский посвятил этим безымянным жертвам непосильного труда стихотворение «Миазм». В доме, выстроенном на костях этих тружеников, появляется призрак одного из них и рассказывает свою судьбу:

Вызваны мы были при Петре Великом,
Как пришел указ...
Началась работа,
Начали спешить:
Лес валить дремучий, засыпать болота,
Сваи колотить...
Годик был тяжелый. За Невою в лето
Вырос городок...

А «мужик лохматый» «умер и шабаш».

Поэт 30-ых годов прошлого века, Михаил Димитриев, рисует в поэме «Подводный город» картину моря, вновь сокрывшего печальный край:

Ныне шпиц от колокольни
Виден из моря один.

Петропавловская крепость — первая постройка Петербурга и после гибели его только игла собора поднимается из пучины морской. Старик-рыбак обращается к Петербургу:

Богатырь тебя построил
Топь костями забутил.

Перед этой незастроенной частью города, где и теперь часто шумят мокрые деревья, нужно вспомнить о тысячах погибших работниках, о цене Петербурга.

Другой выход у Нарышкинского бастиона к Неве. На бастионе башенка с флагштоком, которую В. Я. Курбатов приписывает Д. Трезини. Она перестроена. Но характер ее сохранен. С этого бастиона с 1732 года пушка извещает граждан о наступлении 12 часов дня.

Впечатление от открывающейся панорамы совершенно противоположно предыдущему. За широкой Невой пышно, горделиво разросся город. Мы сможем отметить застроенные при Петре места и восстановить характер панорамы [1]. Можно снова использовать снимки с панорамы Зубова. Но нужно учесть работоспособность группы. Может быть лучше всего в этом прекрасном месте дать ей отдых на ступенях гранитной пристани с красивыми линиями сходов. Здесь парадная сторона крепости. Екатерина II приказала покрыть ее пепельно-серым гранитом. Прекрасные по пропорциям ворота ведут в крепость. Они из того же серого гранита с классическим фронтоном и тяжелыми колоннами, подобающими крепости. Декоративное назначение ее здесь особенно хорошо выражено. Здесь надо быть, когда Нева не замерзла и ее волны плещутся о гранитные берега. Но еще лучше в ледоход, когда торжественно-суровый характер пейзажа будет подчеркнут особенно выразительно.

После отдыха следут подняться на царский бастион и оглядеться кругом, чтоб подвести итоги. К сожалению, он не на столько высок, чтобы можно было увидеть план крепости, но все же некоторое приближение к общему виду получается. Отсюда нужно еще раз посмотреть по возможности на все осмотренное, чтобы охватить в одном общем впечатлении. После этого можно перейти к заключительной беседе.

---

[1] Указать место исчезнувшего «литейного дома», Летний сад и дворец, царицын луг, место зимнего дворца, коробовское Адмиралтейство.

Петропавловская крепость создается в период борьбы за невские берега в стратегических интересах.

Отсель грозить мы будем шведу.

Одновременное основание в центре крепости собора в честь апостолов Петра и Павла подчеркивает то значение, которое придавалось Петром Великим этому месту с самого начала. Сооружение через 3 года кронверкских валов свидетельствует о сохранении стратегического назначения крепости. Разгром шведской армии закрепил эти места за Россией и дал возможность осуществить заветную мечту Петра о своем городе. Здесь все наперекор Москве. Ясно выражено желание затмить ее.

Центральная башня Петербурга, колокольня Петропавловского собора, должна превзойти прославленную колокольню Кремля. Звуки мощного органа привлекали к ней ежедневно внимание всех трудящихся в быстро строящемся городе. Торжественная встреча молодым русским флотом своего «дедушки» и помещение его на покой в цитадели новой столицы — подчеркивает ее значение. Она становится особо почетным местом и в ее храме создается склеп всероссийских самодержцев. Петропавловский собор замещает Кремлевский архангельский собор, это придавало ему когда-то исключительный ореол в глазах монархически настроенного населения. Создавался особый культ некоторых могил.

Но наряду с этими тенденциями возвеличения мы отметим развитие с самого начала и других. Наряду с ее назначением — быть декоративной цитаделью, священным местом русской империи — Петропавловская крепость становится тюрьмой, охранительницей власти этих всероссийских самодержавцев, и мрачные стены казематов затмили в сознании народа первую сторону — декоративную. Уже Берхгольц назвал «петербургскую твердыню» «русской Бастилией», — как мы видим, характеристика односторонняя. В ее облике выразительно переплелись обе стороны ее бы-

тия. Причудливо сочетались великолепие и торжественность с угрюмой суровостью.

Теперь можно ответить на поставленный вопрос: есть ли Петропавловская крепость Кремль Петербурга?

Конечно, нет, так как она никогда не была городом. В ней не было царского дворца, дворцов приближенных, правительственных учреждений. Она — цитадель города, окружающая древний чтимый собор с башней, занимающей центральное место города, «городская башня», на которой объединяются взоры всех горожан, и, наконец, она хранит светские реликвии столицы. Положение в Петербурге Петропавловской крепости более напоминает назначение Капитолия в Риме. В то время, как город создавался вне его, на Палатине, Капитолий явился ars — твердыней его, включающим в себя наиболее чтимые храмы и реликвии Рима. На его Тарпейской горе свершались казни, а у его подножия помещалась Мамертинская тюрьма.

III

ТОПОГРАФИЯ НАЧАЛЬНОГО ГОРОДА

Третью часть экскурсии удобно начать с того же места, на котором мы заключили вторую. Здесь на царском бастионе мы сможем охватить глазами большой район, здесь нам никто не помешает провести вводную беседу. Петропавловская крепость — не Кремль, но все же, подобно Кремлю, она является ядром, обусловившим рост города. Где же в начальном городе был дворец, дома приближенных, правительственные учреждения? Где же был торг и прилегающий к нему посад, окружали ли его слободки и где они помещались?

Перед нами Петербургская сторона — тогда Городской остров. За Троицкой площадью, за высоким серым зданием (Институт мозга) можно заметить небольшую рощицу, в ней находится «домик Петра», по обе стороны его

некогда тянулись дворцы «птенцов гнезда Петрова». На углу Невы и отделяющейся от нее Невки находился дом графа Головкина, первого канцлера. На его месте теперь возвышается высокое здание Петровского училища, построенного А. И. Дмитриевым в стиле Петровского барокко. Ближе к нам — дом стольника Ив. Ив. Ржевского. Рядом с ним — дом с балконом, крыша которого была украшена фигурой Бахуса; здесь жил учитель царя, Никита Зотов, председатель всепьянейшего собора. Далее — большой дом Шафирова, в котором состоялось открытие Академии наук. Следующим стоял дом стольника Ив. Кал. Пушкина, а за ним обер-комиссара Синявина. Затем — дом петербургского коменданта Брюса, перешедший к казненному впоследствии князю Гагарину. В нем помещался синод. Ближе к нам — переезд на Литейную сторону. Рядом с домиком Петра — дом Генина. По другую сторону, ближе к нам, — здание сената, первой русской типографии и, наконец, «Аустерии», где пировал Петр...

Простой перечень этих названий и имен показывает, какую огромную роль в жизни города играла эта узенькая полоска земли. Сколько пробуждает она исторических воспоминаний, в которые мы углубляться не можем.

И все это совершенно исчезло. Город строился начерно. Жизнь отлила в другие места и первоначальные насаждения петровского «Парадиза» исчезли. Остался только бережно охраняемый домик основателя Петербурга, да на широкой Троицкой площади, среди деревьев церковного садика, сереют обгорелые стены старого Троицкого собора — храма торжественных церемоний и празднеств начального Петербурга.

Панорама Зубова, к которой мы обращались столько раз, может нам оказать и здесь хорошую услугу. Своеобразные деревянные дома с высокими покатыми крышами, убранными разнообразными фигурами, с причудливыми фасадами, силою нашего воображения заполнят заглохнувший уголок старого Петербурга.

Теперь обратимся к плану местности. Мы легко сможем установить взаимоотношение между картой и лежащей перед нами частью «Городского острова».

Большая Дворянская прямо перед нами «впадает» в Троицкую площадь. Левее за мечетью Конный переулок ведет в Малую Посадскую. Еще левее лежит Каменноостровский.

В виду крайней разбросанности начального города и неопределенности его очертаний, измерение его при помощи обхода не представляется достаточно целесообразным. Придется совершить лишь экскурсию по плану, ориентируясь, однако, на непосредственное впечатление от лежащей перед ними местности. У нас будет ясное представление о масштабе. Познакомимся с деталями плана. Параллельно набережной пролегла Б. Дворянская, которую пересекает М. Дворянская. За ними находятся две Посадских: Малая и Большая. Далее — две Ружейных, две Монетных, две Пушкарских. Названия говорят сами за себя. Намечается знакомая схема. За «домами приближенных», которые находились большей частью в стенах Кремля, расположился посад, за ним ремесленные слободки. Однако, нам нужно проверить обрисовавшуюся картину. Относятся ли эти выразительные названия к начальному Петербургу? Придется внести некоторые поправки. Б. Дворянская называлась Б. Троицкой, М. Посадская — Б. Рождественской. Тем не менее, наша тема сохраняет свое значение. Б. Дворянской называлась прилегающая к ней современная нам Вульфова, М. Посадской — Б. Посадская, а просто Посадской — часть теперешней Б. Монетной. Каменноостровского тогда не было, приблизительно на его месте, ближе к Троицкой площади, находилась улица — Б. Ружейная.

Отметим интересную особенность — консервативность названий. Происходит не уничтожение старых, а перемещение.

Прежде, чем получить право приступить к выводам, нужно решить еще один вопрос. Соответствовали ли эти

названия социальному составу населения? Троицкая (Б. Дворянская) и Б. Дворянская (Вульфова) были населены служилым сословием. Здесь, между прочим, находились дома родовитых князей: Ф. М. Волконского, М. Ф. Трубецкого, Ф. А. Голицина, затем генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, Ф. Ефгр. Бутурлина, стольника Ив. Степ. Потемкина, князя Андр. Ф. Вяземского, П. И. Бутурлина, Семена Григ. Нарышкина. Все фамилии достаточно известные в русской истории. Тут же на Б. Рождественской (М. Посадской) помещался дом царевича Алексея. Относительно населения Посадских приведу выдержку из истории П. Н. Петрова: «В Посадской улице слева выстроено больше 60-ти домов большею частью торговцев москвичей, ростовцев, псковичей, вместе с дворовыми людьми первостатейных вельмож». «По М. Посадской (теперь Большой) улице были дворы разного рода торговцев, с малопоместительным жильем; редко даже в две избы».

Где же помещался торг? Место его нахождения лежит перед нами. Он помещался в том углу Троицкой площади, где кончается Каменноостровский проспект. Это был каменный гостиный двор, постройка которого падает на 1715—16 года. «У гостиного же двора были: пирожная лавка, харчевня, дом кн. Н. П. Голициной да постоялый двор, казенный. Постоялый двор этот, в описи названный «фартерной избой», стоял на перекрестке, при входе в Посадскую улицу, и в переулок, против Казанской часовни и гостиного двора, в центре, так сказать, расположения улиц на Городском острову».

Оружейные, Монетные, Пушкарские были действительно ремесленные слободки. Только вот слово слободка утратила свой исконный смысл, так как заселение производилось принудительно. Интересно отметить еще название Татарского переулка. Это единственный след от бывшей здесь когда-то слободки, где помещались юрты татар, калмыков и киргизов. Б. Спасская называлась некогда Татарской. Белозерские носят имя помещенного здесь Белозерского полка.

Подведем итоги. Вокруг изолированной крепости разрастается город. Рынок находится в глубине площади, прилегающей к крепости. Троицкая площадь соответствует отчасти Красной площади в Москве. Вокруг недалеко находящегося царского жилища разместились дома приближенных и правительственные учреждения, которые заняли 4 современных нам улицы и набережную. За ними (если исходить от царского дома), непосредственно соприкасаясь с Троицкой площадью и гостиным двором, — посад. А далее разбросаны слободки, население которых определяется по профессиональному признаку (отчасти национальному).

Этот обзор приводит к выводу: старая схема, в связи с новыми условиями (отчасти стратегического характера), нарушена, но не уничтожена, и ее следы выступают вполне наглядно. Старая схема приспособилась к новым условиям. Ядро города не нуждалось более в средневековом окружении стен. Обособленная крепость, удачно поставленная, в связи с общими условиями дельты, заменила их. Эта живучесть форм схемы обнаруживает лишний раз органическую природу города.

От всего этого мира ничего не осталось, кроме домика Петра, обгорелого Троицкого собора [1] и выразительных названий улиц. Помещением старого домика основателя Петербурга завершим нашу экскурсию. Итти к нему от крепости недолго. Пересечем площадь, оставим по левую руку обгорелый собор [2]. Далее идут пустыри, развалины домов, заборы... Нам уже известна своеобразная картина этой местности в эпоху начала Петербурга.

В небольшом домике, окруженном садиком с изломанной решеткой, укрылся старый домик Петра. «Уменьши-

---

[1] Да и тот более позднего происхождения.

[2] В настоящее время приступили к его реставрации. Характерные для своей эпохи царские врата помещены в соседнем новом храме.

тельное название первоначального дворца вполне отвечает его действительности. «Домик низенький, одноэтажный, без каменного фундамента, по продольному фасаду имеет $16^3/_4$ арш., поперечному — $7^1/_2$ арш., а вышиною от пола под крышу — всего $3^1/_2$ арш. Срублен из соснового леса и покрыт в виде черепицы, дощечками. В нем 4 комнаты, считая в том числе и сени... Бревна, из которых был ставлен домик, с обоих сторон гладко обтесаны и с лицевой стороны выкрашены масляною краской под кирпич, а внутри обит холстом, выбеленным клеевой краской... В домике 7 окон. Все окна были с свинцовыми переплетами и весьма мелкими стеклами» [1]. Внутри домика содержится ряд реликвий, связанных с его хозяином, некоторые из них сделаны, согласно преданию, царем-плотником. Славу домика среди населения поддерживает икона Спаса, принадлежавшая Петру. Она представляет собою образец той живописи, которая в эпоху Алексея Михайловича развивалась на смену старой школы. Некоторые приписывают ее Симону Ушакову. Мы легко отметим характерный для этой школы лик, трактуемый достаточно скульптурно и «реалистически». Если правда, как утверждает традиция, что это была наиболее любимая икона Петра, то нам представится такой выбор понятным.

После осмотра домика можно привести справку об его возникновении. Еще до основания крепости, во время осады Ниеншанца, Петр согласно легенде посетил березовый остров, срубил ракитный куст и повелел на этом месте строить себе хоромы.

Постараемся теперь по возможности восстановить его облик, современный Петру по гравюрам. На середине крыши помещалась небольшая мартира, а по бокам ее на углах крыши — разорвавшиеся бомбы. То и другое вырезано из дерева и раскрашено. Оконные ставни и двери были

---

[1] Михайловский, В. Образ спасителя в домике Петра Великого. СПБ. 1914 г.

также расписаны различными узорами. В домике не было и следа роскоши. Все было здесь «на скорую руку». Если мы и отмечаем некоторые следы убранства, то они отличаются чертами какой-то детской наивности.

Здесь можно вспомнить образ жизни Петра, дать характеристику его дня: домашних его обычаев, меню его стола, трудов его, прогулок, пирушек, забав, приемов иностранцев, всего, так или иначе связанного с этим домиком, единственно уцелевшим жилищем начального Петербурга, временной резиденцией всероссийского самодержца.

Поэт Сумароков написал обращение «К домику Петра Великого:»

В пустынях хижина состроена сия:
Не для затворника состроили ее.
В порфире, с скипетром, с державой и короной
Великий государь имел жилище в оной.
Льзя-ль пышный было град сим домом обещать?
Никто не мог того в то время предвещать,
Но то исполнилось: стал город в цвете,
Каков сей домик мал, так Петр велик на свете.

Образ домика вызывает представление об отшельнике, обитающем в нем. Но в нем жил первый император. В этом контрасте — особенность эпохи.

Осмотром этого маленького домика, который приоткрывает нам уголок исчезнувшего Петербурга со всем своеобразием оживлявшего его некогда быта, закончим экскурсию.

Для заключительной беседы спустимся на ступени пристани с манджурскими львами. Она в двух шагах от домика. На берегу Невы еще раз оглянемся на пройденный путь.

Город, насаженный на Городском острове у Петропавловской крепости, не пустил глубоких корней. Здесь не произошел обычный процесс роста города вокруг первоначального ядра, соп яженного с внутренними перестрой-

ками, согласными с требованиями времени. Здесь первоначальное насаждение совершенно исчезло. Причина этого заключена в перенесении «ядра». Последовала неудачная попытка поместить его на стрелке Васильевского острова, превращенного в Северную Венецию. Ядром Петербурга сделалось Адмиралтейство, стянувшее к себе бесконечные «перспективы» города. Северная Пальмира пышно разраслась. На старом месте остался только маленький деревянный домик, заботливо прикрытый футляром.

Петербург, возникший при полном свете исторического дня, произвел неизгладимое впечатление на свидетелей его сказочно быстрого роста. Это удивление создало благодарную почву для зарождения легенд.

Петр, руководитель русской государственности «в ее минуты роковые», превратился в титана, в полу-бога, сотворившего из небытия город. О нем говорили: иде же бог хощет побеждается естества чин. Как над Ромулом в момент основания вечного города парили коршуны, так над Петром при закладке Петропавловской крепости парил орел. Домик основателя Петербурга с образом Спаса сильно действовал на воображение населения и превратился в особо чтимую святыню. Так в Риме в продолжении веков поддерживался domus Romuli. Дальнейшая судьба развила этот мифический элемент, который получил свое классическое выражение в Медном Всаднике Пушкина.

Здесь был изложен план сложной экскурсии. Она распадается на три части: 1) Вышка, 2) Петропавловская крепость, 3) Начальный город и домик Петра Великого. Ее общая тема — «Начало Петербурга» — дает две задачи: 1) она демонстрирует обильный материал, составляющий прямое содержание темы (дельта Невы, крепость, домик Петра); в этом отношении она входит в цикл экскурсий на тему «рост города». 2) Она задается целью решить вопрос о характере роста Петербурга, сопоставляя его с типом

роста древне-русского города, и таким образом комментирует эту социологическую тему.

В виду этого, в ней такое большое место занимает лекционный элемент, как во всех экскурсиях комментирующего характера.

Разработанная экскурсия требует применения разнообразных приемов.

1) Выделение и разбор экскурсионного материала (аналитическая и синтетическая разработка зрительного материала).

2) Справки, дающие сведения, которые не могут быть получены из зрительных впечатлений.

3) Реконструкция разрушенных и видоизмененных памятников с использованием старых изображений.

4) Оживление прошлого при помощи восстановления картины былой жизни при содействии историко-топографического чувства.

5) Прием моторного изучения.

Сложность экскурсии делает ее несколько перегруженной и разнообразием затронутых вопросов и разнохарактерностью материала. Но разделение ее на три части и яркость впечатлений облегчают ее проведение.

II

МИФ О „СТРОИТЕЛЕ ЧУДОТВОРНОМ“

МИФ О «СТРОИТЕЛЕ ЧУДОТВОРНОМ»

(экскурсия по «Медному Всаднику»)

Была ужасная пора...
Об ней начну повествованье
И будь оно, друзья, для вас
Вечерний, страшный лишь рассказ,
А не зловещее преданье...

I

Пушкин, романтически маскируя свое заданье, предлагает нам принять «зловещее преданье» за «страшный рассказ». Вымысел, хотя бы жуткий, скрывает в себе утешенье: ведь за ним не скрывается никакой реальности. Встревоженное сознание может от него отряхнуться и возвратиться в привычную обстановку умиротворяющей повседневности. Предоставляя нам эту возможность, поэт, однако, сам относится к своей поэме, как к «зловещему преданию», из которого он творит миф.

Вячеслав Иванов указывает на основную черту мифа, который всегда является отображением некоей реальности. Явление природы или историческое событие одушевляются мифотворческим сознанием, олицетворяются им и передаются при помощи метафоры [1]. «Мифологический предмет становится личным существом... соединяющим в себе ряд постоянных свойств». Мифические элементы живут, вызванные каким-либо явлением, в сознании коллектива, но они, не связанные первоначально, должны быть наглядно

[1] Вундт. Миф и религия.

представлены повествованием — тогда рождается миф. «Он не является формой мысли, принадлежащей к невозвратному прошлому, он продолжает жить или стремится снова вернуться к жизни там, где он временно исчез». Особенно благоприятна для рождения мифа обстановка борьбы двух начал, «которые выделяются в качестве противоположностей на фоне друг друга, вроде встречающихся в сказках противоположностей сильного и слабого, умного и глупого, доброго и злого». Контраст — одно из условий зарождения мифа. Культура, в которой не иссякло религиозное начало, способна преломить событие, как элемент мистерии. Почва для мифотворчества в ней не оскудела. Но возникновение новых мифов даже на такой почве невозможно, так как полнота органической связи духа с природой нарушена.

В. Иванов дает глубокое определение мифа, как воспоминания о мистическом событии, о космическом таинстве. Но возможности мифа ограничены и «новый миф есть новое откровение тех же реальностей».

Явления позднейшей культуры, исторические события не создадут ядра нового мифа. Он явится, как результат преломления мифотворческим сознанием новых явлений на основе какого-либо древнего мифа. Для того, чтобы он зародился, должны были произойти чрезвычайные события, которые бы потрясли душу целого народа. Ибо миф не может быть созданием единичного сознания.

* *
*

Реформы Петра Великого сопровождались многолетними войнами и жестоким подавлением внутреннего сопротивления. Стремительная борьба со старо-русской культурой, религиозно освященной, произвела потрясающее впечатление на самые разнообразные слои общества.

От страны требовалось напряжение всех сил. «Такие подати стали, что уму непостижимы... этого наши прадеды и отцы не знали и не слыхали, никак в нашем царстве

государя нет». Войны казались бесцельным и жестоким насилием над народною волей. «Государь безвинно людям божиим кровь проливает и церкви божии разоряет, куда ему шведское царство под себя победить? Чтобы и своего царства не потерял!» Реформы, разрушавшие быт, к которому были так привержены старо-русские люди, гордые своим отличием от нечестивых латинян, возбуждали особо острое негодование. Образ русского человека был искажен и этого не могли простить царю-реформатору. Но особую пищу для возбуждения доставляли реформы, затрагивавшие церковь. Перемена летоисчисления, запрещение крестных ходов, закрытие часовен, кощунственный всепьяннейший собор и особенно уничтожение патриаршества вызывали среди недовольных уверенность в том, что на «святой Руси» правит антихрист.

«Эту мысль развивали на разные лады и священник, у которого отобрали пчельник и требовали небывалых прежде сборов, и бродячий старец, которого ловила полиция, и крестьянин, которому приходилось не в мочь от тягостей нового тягла, и сын боярский, изнуренный службою, и вдова-стрельчиха после колесованного мужа, и нищий, которому не велено было просить милостыню, — все, кого только коснулись новые порядки. Одни распространяли свои мысли чрез подметные письма, другие прямо лезли на казни, чтобы побороться с антихристовою прелестью, понося царя на площадях, на улицах, в церквах...» [1].

Современные памятники называют народ страдальцем и прямо мучеником. Многие бросали свои дома и бежали в глухие леса. Особо резкую оппозицию встретил Петр среди раскольников. Меры, направленные в сторону веротерпимости, улучшили их положение. «Указом 1716 года раскольникам было дозволено наравне с другими подданными открыто жить в селениях и городах без всякого страха».

---

[1] Смирнов, П. С. Споры и разделения в русском расколе. Спб. 1909 г. Стран. 149.

Но это не подкупило ревнителей древнего благочестия. Они-то и сделались вождями недовольных и смущенных новым духом. Раскольники правильно расценили связь религии с культурой и провозгласили разрушителя старой культуры врагом религии.

Хотя мысль о Петре-антихристе появилась у лиц, не принадлежавших расколу, но среди староверов она получила идеологическое оформление. «Петра называют: окаянным, лютым, змиеподобным, зверем, гордым князем мира сего». «Петр — губитель миру всему явленный, хищник и разбойник церковный, гордый и лютый ловитель». Его именуют «двоеглавым зверем», так как он стал главою и церкви и государства. (Так называли папу идеологи гибеллинов на Западе).

Из чисел, связанных с его царствованием, вывели «звериное число» 666. Дела Петра — деяния антихриста. Происхождение Петра от второй жены «тишайшего царя» почиталось за блудное. Ему приписывались чудеса богомерзкие. «В Московском де государстве царь Петр сидит и делает он разные хульные вещи, например: мужской пол женским в такой силе, что велит мужскому полу власы отростить долгие, а брады брить». Даже победы Петровы казались делом нечистым. «Он, государь, неприятельские города берет боем, а иные лестью и то по писанию (об антихристе. Н. А.) сбывается. И Царьград он возьмет, да и Рим он возьмет лестию и соберет жидов всех и с ними, жидами, пойдет в Иерусалим, и там станет царствовать и их, жидов, возлюбит... и будет у них глад и всякая нужда, и в то время они, жиды, его познают, что он антихрист и на нем сей век кончится[1]. Жители иерусалимские встретят царя с хлебом и солью и будут просить его сделаться у них царем, а окрестные жители попросят у него какого-либо знамения. В ответ на это царь пойдет

[1] Есипов. Раскольничьи дела XVIII в. Спб. 1860 г. Т. II, стран. 40.

к Ефрату и там скажет «острову каменному», чтобы он сдвинулся с места. Остров сдвинется».

О новой столице антихриста, воздвигнутой чудесным образом на болотистой дельте, на «чухонской земле», бродили темные слухи. В глуши керженских лесов так толковали о Петербурге:

«Ныне был у нас с починок человек, был он в Петербурге и сказывал про тамошние чудеса. Собрал де он Петр, беглых солдат, человек двести и поставя на колени, велел побить до смерти из пушки. Эко стало ныне христианам ругательство!»

Усилилась своеобразная эмиграция из заселенных мест в глухие дебри, где бывали страшные гари, где в огненной смерти искали тысячи самосжигателей спасения души.

«Уразумевши лютое и прискорбное время сие настоящее и свое отпадение и пленение исходят вон из града мира сего, идут на горы и пустыни и в вертепы и пропасти земные и плачут горько, якоже и Петр той (апостол, Н. А.) и в пощении и молитве день и нощь в ину пребывают, ничем не пекущеся о земных, зане Господь близь есть при дверех».

В эпохе, столь насыщенной религиозным возбуждением, столь сострясенной напряженной борьбой, легко могли пробудиться мифотворческие силы и легенда о пришествии антихриста и его граде явилась ее знамением.

В одной из новгородских церквей (Знамения) на большой фреске, изображающей страшный суд, представлен Петр со своими сотрудниками в латинских одеждах, идущие на муку вечную.

Таков был суд над личностью и делом Петровым широких народных масс.

Во всех этих мыслях и переживаниях взбаломученного моря народного сознания ясно выступает оценка Петра, как особого существа, превышающего силы и способности человеческие. Это сверхличное существо рассматривалось, как выразитель начала зла.

Реформа пронеслась над народом, как тяжкий ураган всех напугавший и для большинства оставшийся загадкой. Однако, оценка этой реформы могла быть и иной. В качестве антитезы этому темному лику Петра создается другой образ, в котором царь-реформатор выступает, как кумир нарождающегося нового общества.

Панегирическая литература является тому свидетельством. Если учесть даже значительный элемент оффициальной лести, все же во всех этих хвалебных речах мы сможем легко ощутить правдивые ноты преклонения. Культ гения императора древне-римской религии, казалось, получил неожиданное распространение в стране гипербореев.

Россия из «азиатской Московии» казалась превращенной в «европейскую великую державу». Эта метаморфоза объяснялась гением Петра. Процесс многих лет, подготовлявший переворот грани XVIII века, приобрел резкий и бурный характер в эпоху Петра Великого. Все, что было подготовлено, не было учтено при оценке дела первого русского императора. Медленное нагревание не было замечено, а бурное кипение воспринималось, как некое чудо. Петр казался загадочным существом, одаренным таинственной силой. Князь Вяземский под пыткой свидетельствовал, что про Петра пели, льстя ему: «бог идеже хощет побеждается естества чин».

Апологет царя-реформатора Посошков так оценивал его: «Видим мы все, как Великий наш монарх трудит себя, да ничего не успест, потому что пособников по его желанию немного: он на гору еще и сам-десять тянет, а под гору миллионы тянут, то как дело его скоро будет?»

Так писал в образах трудовой жизни в трезвом тоне историк-крестьянин. Но образ остается все тот же титанический: гигант, борящийся против воли миллионов.

При глухом ропоте масс, сменившем отчаянные и бессильные попытки борьбы, при сочувствии немногих совершалось двести слишком лет тому назад обновление России. Его символом явился Петр. В его личности было

много черт, в его жизни много моментов, глубоко поразивших и русских и иностранцев. Исторический образ грозного императора чрезвычайно благоприятствовал творимой легенде. Создавался образ одинокого титана, творящего новый мир, преодолевающего сопротивление косных, темных, хаотических сил.

Символом дела Петра явилась новая столица. Ее возникновение в результате многолетней борьбы со шведами было куплено дорогой ценой. Ее создание на «чухонской земле», на «болоте», стоившее жизни многочисленных рабочих, забутивших топь своими костями, увеличило народное нерасположение к «Питеру», но в сочувствующих реформе новый город порождал осознание могучей, чудодейственной силы «основателя». Сказочно быстрый рост Петербурга — города титанической борьбы — свидетельствовал о торжестве дела Петра.

Образ царя-реформатора, усваиваясь религиозным сознанием, сочетался с древними, как культурный мир, образами космической борьбы творческого начала света с безликими, безобразными стихиями, образами, присущими всем векам и народам. Из этого соприкосновения исторических событий с мифотворческим сознанием родился миф о строителе чудотворном, получивший гениальное оформление в поэме Пушкина — Медный Всадник.

Петербургская легенда наделила Петра чертами основателя города в античном аспекте.

Самый момент основания отмечен явлением царственного орла. Это было нужное знамение для совершения сакрального действия. «Первой заботой основателя является выбор места для нового города. Выбор этот — дело весьма важное; верили, что судьба народа зависит от него». Спустившийся орел предвещал величие грядущего. Как рели-

гиозное учреждение, «город основывался сразу, весь целиком в один день», он был, следовательно, подобно многим обетным храмам древней Руси, «обыдённым». Создаваемый в один день, «город строился для того, чтобы существовать вечно». Религиозное значение города делало его священным. Тит Ливий говорит о Риме: «В этом городе нет места, которое не было бы запечатлено религией и занято каким-либо божеством... Боги обитают в нем». Фюстель де-Куланж утверждает, что каждый город можно было назвать святым. И наша северная столица, посвященная первому апостолу, патрону города Рима, приобретает это сакральное освящение: Санкт-Питер-бурх. Но в сознании населения основатель затмил апостола и, когда говорят «город Петра», имеют в виду царя, а не святого. Основатель вечного города, Ромул, был сопричислен к сонму богов, у него был свой храм и свои жрецы. «И каждый город обожал точно так же того, кто его основывал. Существовал особый «культ основателей». Почва христианской культуры и эпоха, освещенная холодным светом исторического знания, не могли благоприятствовать созданию храма и культа основателя Петербурга. Однако, все же образовалось своеобразное явление, в котором можно распознать тень древних обычаев. В согласии с этими идеями создается и распространяется своеобразная форма культа, связанная с «домом основателя». Икона спаса, почитаемая, как любимый образ Петра, помещенная в малом Петровском домике, превращает его в одну из главных святынь старого Петербурга.

Основание города всегда порождало легенды. «Быть может, не было ни одного города, не имевшего собственной поэмы, или, по крайней мере, гимна, воспевавшего священный акт его возникновения». У Петербурга есть поэма. Она сложилась спустя много лет, но не является продуктом творческой игры индивидуального сознания.

Эта поэма — «Медный Всадник».

Определяя связь создания Пушкина с психологическим наследием прошлого, мы можем повторить мысль Алексея Толстого, примененную им к Гёте:

Нет, то не Гёте великого Фауста создал, который
В древне-германской одежде, но в правде глубокой, вселенской,
С образом сходен предвечным своим от слова до слова [1].

В намеченных здесь сопоставлениях не следует усматривать попытки установления каких-либо «культурных влияний» или «литературных заимствований». Вопрос сложнее и глубже. Научное исследование его сделается возможным лишь тогда, когда, наряду с индивидуальной и массовой психологией, будет оформлена историческая психология, то-есть наука о психических явлениях, раскрывающихся в историческом процессе. Пока в этой области не установлено еще достаточно прочных научных построений; приходится только указывать на сходство некоторых историко-культурных явлений. С этой точки зрения можно подойти и к основному вопросу о мифе, получившем свое преломление в «Медном Всаднике».

В истории Петербурга одно явление природы приобрело особое значение, придавшее петербургскому мифу совершенно исключительный интерес. Периодически повторяющиеся наводнения, напор гневного моря на дерзновенно возникший город, возвещаемый населению в жуткие осенние ночи пушечной пальбой, вызывал образы древних мифов. Хаос стремится поглотить сотворенный мир.

Идея потопа присуща мифотворческому сознанию большинства народов, она повторяется повсюду, часто совпадая даже в деталях. Эти повторяющиеся образы столь поразительны, что навели некоторых ученых на мысль о существовании единого прамифа.

Божество хаоса и мрака всюду почиталось в стихии воды. У древних халдеев первобытный хаос олицетворялся в богине пучины Тиамат. Она создает чудовищ: драконов,

[1] Эти слова отнести следует, конечно, только к материалу образов, из которого художник творит свой мир.

человеко-скорпионов, рыбо-людей. Она препятствует богам-космократорам «вступить на путь», т.-е. создать из хаоса — космос. Энлиль (позднее Мардук) выступает против нее. «Он берет лук, стрелы, колчан, божественное орудие — молнию и свет». После жестокого боя Энлиль побеждает. Он разрубает труп Тиамат на части, половину поднимает наверх и делает ее небом, запирает засовом, чтоб не дать воде излиться. «Измерив океан, владыка созидает дом» (символ вселенной). После торжества созидательных сил над разрушительными начинается творение мира. Космогония открывается героической симфонией борьбе света с мраком. Бой Мардука с Тиамат получил свое отображение в ряде дошедших до нас памятников. Космократор изображен в образе могучего воина — божество пучины в виде крылатого дракона или какого-либо другого змиеподобного существа. Сохранилось изображение Мардука стоящего на водах, а у ног его — побежденная Тиамат. Победа над богиней водной пучины не окончательна. В морской глубине притаился древний хаос и грозит разрушить мир. Попущением богов во время великого потопа едва не погиб организованный ими мир.

... Грохот Адада наполнил небо,
Все, что было блестящим, превращается в сумрак.
Брат не видит более брата,
Люди в небе друг друга узнать не могут,
Боги боятся потопа,
Они убегают, они поднимаются на небо Ану.
Там садятся, как псы, ложатся на стены
Кличет Иштар, как роженица, громко...
Боги подавлены и в слезах восседают,
Губы их сжаты, и тело трепещет.

Потоп кончен. Постепенно все пришло в прежний порядок. И богиня-мать Иштар вознесла свое ожерелье на небо — радугу, как символ торжества космических сил над хаосом.

Однако, опасность хаоса не устранена. До нас дошли глухие отголоски завершения этого мифа древнейших сумерийских преданий. В библии сохранились темные следы этих представлений.

Пророк Исаия говорит о мифическом существе Rahab, сраженном «в дни древние, в роды давние мышцей господней» (Ис. 51_9). Псалмопевец воспевает бога, подчинившего морскую стихию.

«Ты владычествуешь над яростью моря; когда воздымаются волны его, ты укрощаешь их. Ты низложил Раава (Rahab), как пораженного (Пс. 88_{11}). Ты расторг силою своею море, ты сокрушил головы змиев в воде (Пс. 73_{73}). Rahab — темная сила морской пучины. Жуткий образ моря, в котором играет чудовище Левиофан (Пс. 103_{26}), напоминающий нам море юрского геологического периода с плавающими в нем плезиозаврами, бронтозаврами и летающими над ним драконами-птеродактилями.

Из всех этих текстов явствует, что морское чудовище олицетворяет силу зла, с которым борется, побеждая в борьбе Иагве.

На почве этих библейских представлений получил свое завершение халдейский космический миф. В двенадцатой главе апокалипсиса дано откровение об исходе борьбы с древним хаосом.

«И произошла на небе война. Михаил и ангелы его воевали против дракона, и драконы и ангелы его воевали против них... И низвержен был великий д р а к о н, д р е в н и й з м и й.

Изображением преображенного мира, нового неба и новой земли, и преображенного града Иерусалима, завершается великая космическая трагедия.

«И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали. М о р я у ж н е т. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий с неба, приготовленный, как невеста, украшенная для мужа своего» (21_1).

В библейском повествовании древнего Мардука заменил архангел Михаил. Его культ получил широкое распространение особенно на Западе и впитал в себя культы старых местных религий [1]. Его изображение в образе могучего

[1] Смотреть: О. А. Добиаш-Рождественская.—«Культ св. Михаила».

юноши, попирающего дракона, сделалось излюбленным сюжетом художников. И Георгий победоносец на коне, повергающий змия, является отображением все того же древнего мифа о борьбе космократора с безликим хаосом.

Исконный миф подобен потоку реки, которая исчезает под почвой, во мраке струит свои незримые воды, и внезапно выступает из-под земли, чтобы на некоторое время продлить свое течение под открытым небом.

Наша петербургская легенда все в том же потоке.

В потрясенном народном сознании зародился миф о Петре, как о сверхчеловеческом существе. Оценка его дела придавала ту или иную окраску его сверхчеловечности. Для одних он явился началом разрушительным, злой силой, антихристом. Для других — силой творческой, благою — полубогом.

Последних было немного. Но среди них оказался гениальный поэт и его слово о Петре прозвучало отчетливо и властно [1]. Пушкин придал творимой легенде форму законченного мифа.

* *
*

Смысл поэмы «Медный Всадник» стремилось разгадать много исследователей. Валерий Брюсов разделяет все толкования на три группы. К первой он относит тех, кто усматривает в поэме столкновение двух воль: 1) коллективной (Петр) и индивидуальной (Евгений). Белинский так определяет действие поэмы. «И смиренным сердцем признаем мы торжество общего над частным, не отказываясь от нашего сочувствия к страданию этого частного... Этот бронзовый гигант не мог уберечь участи индиви-

[1] Легенду о царе-преобразователе начали разрушать историки третьей четверти XIX века, начиная от С. Соловьева и Ключевского. В XX в. — временный ренессанс Петра в живописи и поэзии, и снова его разоблачение, принявшее, наконец, уродливые формы (смотреть: Пильняк «Никола на Посадьях»).

дуальностей, обеспечивая участь государства и народа... за него историческая необходимость».

Ко 2-й группе отнесены те, «мысль которых всех отчетливее выразил Д. Мережковский, которые видели в двух героях Медного Всадника представителей двух изначальных сил борящихся в европейской цивилизации: язычества и христианства, отречение от своего «я» в боге и обожествление своего я в героизме». Третьи, наконец, видели в Петре воплощение самодержавия, а в злобном шопоте Евгения — мятеж против деспотизма.

На основании имеющихся указаний самого Пушкина нельзя притти к бесспорному выводу, а потому истолкование воли гениального поэта остается выражением личных умонастроений толкователей.

К задаче объяснения можно подойти иначе, не дерзая проникнуть в заветные думы творца. Обратимся к самому творению и постараемся осмыслить то, что оно представляет само по себе, как достояние нашей культуры и нашей эпохи.

Еще при жизни Пушкина его цензоров, а среди них и самого Николая I, смутил ясно выраженный в поэме апофеоз Петра. Поэту было предложено отказаться от всего, что подчеркивало обожествление царя. Жуковский, исправляя в желанном для Николая I духе поэму, постарался затушевать все соблазнительные места, заменяя, например, слово кумир — словом гигант или великан.

«Того, чьей волей роковой
Над морем город основался»:

заменено.

И с распростертою рукой
Как будто градом любовался.

Далее опущено всё гениальное описание «Медного Всадника».

Таким образом апофеоз Петра не был допущен его царственным преемником. Для нас существенно отметить

здесь ясное осознание этого апофеоза, которое заставляет подойти к поэме Пушкина, как к мифу, и постараться вскрыть в ней присущие ему черты.

Валерий Брюсов примыкает к третьей из намеченных им групп толкований. Он тщательно анализирует процесс создания образа Евгения.

Сопоставляя все пробные наброски Пушкина, критик отмечает постепенное обезличенье поэтом своего героя.

Первоначально Пушкин намечал характеристику Евгения в бытовых тонах, подробно описывая обстановку его жизни. Евгений должен был быть поэтом. Его мечты подробно обрисованы. Постепенно Пушкин уничтожил все эти черты. Видимо, поэт хотел сделать «бунтовщика» как можно менее значительным, чтобы увеличить контраст между ним и «державцем полумира». «Приемы изображения того и другого — «покорителя стихий» и «коломенского чиновника» — сближаются между собою, потому что оба они — олицетворение двух крайностей: высшей человеческой мощи и предельного человеческого ничтожества».

В этом толковании смысла постепенной затушовки образа Евгения — В. Брюсов допускает — существенную ошибку. Вспомним некоторые из вычеркнутых строк:

Он одевался нерадиво:
Всегда бывал застегнут криво
Его зеленый узкий фрак.

или

Как все, он вел себя не строго,
Как все, о деньгах думал много
И жуковский курил табак.

Неужели уничтожение и этих строк содействовало умалению личности Евгения? Тут заметна другая тенденция. *Стирая все эти бытовые черты, Пушкин придает своему герою все более и более отвлеченный, призрачный характер, который соответствует требованиям мифа.*

Согласно этому, и Петр дан в совершенно нереальном аспекте, что было сейчас же подмечено цензурой. Царь-реформатор превращен в кумир, вокруг которого совершается мистерия.

Образ Петра глубоко захватил Пушкина. Многие годы творческий дух поэта томился жаждой найти ему выражение. В последние годы Пушкин обратился к научному исследованию личности Петра. Но он не был ослеплен величием преобразователя, наоборот, поэт отдает себе отчет в характере его личности: «Петр Великий, одновременно Робеспьер и Наполеон, — воплощенная революция». «Петр I презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон». А как оценивал Пушкин Наполеона, видно из строк «Евгения Онегина»:

Мы все глядим в Наполеоны,
Двуногих тварей миллионы —
Для нас орудие одно.

Смысл слов ясен. Петр был совершенно чужд идее: «человек самоцель». Когда-то он сказал: «А о Петре ведайте, ему жизнь не дорога, была бы жива Россия». Жизнь своя, жизнь чужая, тысячи, миллионы — все приносится в жертву коллективному началу — государству.

И тем не менее, Петр является для Пушкина олицетворением благих, хотя и грозных сил. Черты божества благодатной грозы, облик бога-громовика придал ему поэт еще в Полтаве;

Могущ и радостен, как бой,
. . . .
Лик его ужасен,
Он весь, как божия гроза.

Петр, как человек, судим Пушкиным строго. Петр, как творящий дух, беспощадный и грозный, вознесен и удостоен апофеоза.

В поэме «Медный Всадник» Петр очерчен прежде всего, как основатель Петербурга. Пушкин творил миф о герое, призванном провидением основать город.

Dum conderet urbem,
Inferretque Deos Latio.

Но мифотворчество нашего поэта заключалось не в том, что ему пришлось создавать легендарную личность или легендарный факт. Все было дано Пушкину самой историей. Миф заключается в освещении исторического события. Согласно вдохновениям древних религий, Петр облечен в священный покров «основателя города». Ритмом своей речи, выразительной силой своих образов Пушкин явил нам основателя Петербурга, озаренным божественным светом.

Однако, на «Медном Всаднике» лежит печать духа иной, новой культуры. Петр Пушкина не Эней Виргилия, благочестивый носитель традиций родного, древнего Илиона. Не переносит с собой Петр из «старой Москвы» отеческие заветы. Не благочестивой покорностью судьбе охарактеризован «основатель города» новой эпохи. «Мощный властелин судьбы» своей «волей роковой» вызывает на бой саму судьбу.

Дух Петров — сопротивление природы.

Дерзновенная воля его имеет за собой в исторической перспективе эпоху Ренессанса с ее верой в достоинство и силу человека.

«Медный Всадник» тесно, органически связан с той духовной атмосферой, которая окружает каждый город, возлагая на него своеобразную, только ему присущую печать. Эта поэма зародилась в тех отложениях духа, которые создаются вокруг всяких культурных образований, а в особенности таких многозначительных и сложных, как город. «Медный Всадник» назван «Петербургской повестью». Ее поведала Пушкину северная Пальмира. Она была музой нашего поэта. И он передал нам то, что увидел и услышал, когда в творческом вдохновении его слух наполнил шум и звон, когда разверзлись, как у испуганной орлицы, его вещие зеницы.

II

Современный нам Петербург хранит в своих недрах многое из того, что вдохновляло в свое время Пушкина при создании им своей поэмы, и прежде всего самого Медного Всадника, гениальное создание Фальконе.

Прогулка в эти места, увековеченные в поэме, погрузит нас в ту атмосферу, в которой некогда создавалась петербургская повесть. Посещение этих мест отдает нас во власть сил гения местности (genius loci), приобщение к ним приблизит нас к пониманию поэмы, углубит и прояснит ее могучие образы.

В этой петербургской мистерии четыре действующих лица: Петр — заменяющийся позднее Медным Всадником, творческий и охраняющий дух — Космократор; Нева — водная стихия, безликий хаос. Петербург — сотворенный мир. Все действующие лица старого мифа. Наряду с ними выведено новое лицо, созданное проблемой о человеке-самоцели — Евгений — жертва, постоянно приносимая историей во имя неведомых ей целей коллективного сверхличного начала.

В соответствии с этим экскурсия распадается на четыре момента, связанных с этими действующими лицами поэмы — мифа.

Панорама Петербурга с вышки Исаакиевского собора или Адмиралтейства; Нева — у набережной; «Новый дом» со львами, где сидел Евгений; и, наконец, Медный Всадник.

* * *

В своем введении Пушкин разворачивает панораму северной Пальмиры, которая знакома нам по описаниям: Державина, Вяземского, Батюшкова; эта панорама не есть отражение отдельного места. В ней запечатлен синтетиче-

ский образ Петербурга. В отдельных уголках города мы легко сможем узнать знакомые по Пушкину черты. Но синтетический образ мы, скитаясь по улицам, площадям и набережным города, сможем приобрести после долгого опыта общения с его душой. Каким же путем можно в одной экскурсии хотя бы только отчасти уловить этот синтетический образ? Для этого есть только одно средство: охватить его общий облик с высоты птичьего полета, когда панорама города разворачивается во всю ширь.

К счастью, в той местности, которая является местом действия поэмы, имеются две доступные вышки: Адмиралтейской башни и купола Исаакиевского собора. Изберем последнюю возможность, так как на вышку Исаакия легче всего проникнуть и так как она является самым высоким пунктом Петербурга.

Отсюда раскрываются необъятные дали. Мутное серосинее море в низких берегах, не сжимающих воды, а покорных им. Окрестности города унылы. Даже успокаивающей геометрически правильной линии горизонта нет. Невысокие холмы искажают ее. Нет ничего очерченного, яркого, выразительного. Легко представить себе и дельту Невы столь же безотрадную, как и ее окрестности. Пушкин в своем введении дает характеристику этому ландшафту. В обрисовке местности подчеркнуты черты убожества и мрака. П у с т ы н н ы е воды, б е д н ы й челн по ним стремится о д и н о к о, кругом м ш и с т ы е, т о п к и е берега, ч е р н е ю т избы тут и там — приют у б о г о г о чухонца; лес, н е в е д о м ы й л у ч а м, в т у м а н е спрятанное солнце... г л у х о й ш у м. Все эпитеты создают впечатление хаоса.

Земля же была безвидна и пуста,
И тьма над бездною,
И дух божий носился над водой.

Над хаосом царит творческий дух.

На берегу пустынных волн
Стоял Он, дум великих полн.

И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася...
И думал Он:
... Здесь будет город заложен.

Кто Он, начертанный с большой буквой? Не названо. Так говорят о том, чье имя не приемлется всуе. Пред нами дух творящий из небытия, чудесною волей преодолено сопротивление стихий. «Да будет свет; и стал свет». Свершилось чудо творения. Возник новый мир — Петербург.

Прошло сто лет — и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво.

Еще раз подчеркнуты тьма и топь и после этого непосредственно «вознесся пышно, горделиво». В дальнейшем описании все эпитеты выражают: гармоничность, пышность и яркость, с преобладанием светлых тонов.

По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен. Корабли
Толпой со всех концов земли,
К богатым пристаням стремятся.
В гранит оделася Нева,
Мосты повисли над водами,
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова.

Здесь все построено на противоположении тому, что было раньше до акта творения. Быстрое возвышение города не вызывает страха столь же быстрого падения.

Люблю тебя, Петра творенье.
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье.
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный.

Каждое слово вызывает близкие образы нашего города. Вот стройные сочетания строгих строений сенатской пло-

щади. Вот бесчисленные мосты обильной водами столицы, такие живописные, часто фантастические, всегда индивидуальные. Вот чугунные узоры чудесных решоток Летнего сада, Казанского собора... И среди всего этого — всегда чувствуемая, хотя бы и незримая Нева.

Сопоставление панорамы Петербурга, развернутой перед нами в поэме с той, которая раскрыта нашим плотским взорам, наполнит хорошо знакомый отрывок новым ярким и четким содержанием. Перед нами и «светлая адмиралтейская игла» и «потешные Марсовы поля» и «царский дом» и «твердыня Петропавловской крепости» — все эти образы, доступные единовременно нашему созерцанию.

После первых двух тем: 1) чудесное основание города 2) сопоставление панорамы с ее описанием) можно перейти к третьей, непосредственно из них вытекающей: к определению типа города, к которому относится Петербург. Куда следует его отнести? К числу ли тех городов, что возникали в неведомые времена, развивались стихийно, без плана, как растут на воле деревья, как реки прокладывают свое русло (Москва, Париж, Рим)? Или же к тем, которых народили сложные потребности развивающегося государства в эпоху его культурной зрелости, и в которых ясно виден заранее определенный план и на которых лежит печать разумной воли (Новый Орлеан, Карлсруэ). Правильные линии Васильевского острова, проспекты, исходящие лучами от Адмиралтейства, великолепные здания, придающие органическую цельность архитектурному пейзажу, все это определяет место Петербурга во второй группе. Миф о «чудотворном строителе», «чьей волей роковой над морем город основался» найдет себе опору в целостности облика северной Пальмиры.

Четвертая тема: мотив борьбы со стихиями. Пусть наш город создан в согласии с рассудком, но он вызван к бытию наперекор стихиям. Здесь все свидетельствует о великой борьбе с природою. Кругом ничего устойчивого, ясно

очерченного гордого, указующего на небо; все снизилось, словно ждет смиренно, что воды зальют печальный край. И город создается, как антитеза окружающей природе, как вызов ей. Пусть под его площадями, улицами, каналами «хаос шевелится», он сам весь из спокойных прямых линий, из твердого устойчивого камня, четкий, строгий и царственный, со своими золотыми шпицами, спокойно возносящимися к небесам. «Дух Петров сопротивление стихиям» и его город в своем облике запечатлел этот дух Петров. Пушкин называет основателя Петербурга «властелином судьбы». Внизу перед ним, среди деревьев сквера, ближе к реке виднеется памятник Фальконе, в котором выражена эта борьба со стихией в образе торжествующего над ними Петра.

Весь образ Петербурга внушает спокойную радостную веру в его будущее, охраняемое Медным Всадником на звонко-скачущем коне.

* *
*

После спуска с вышки Исаакиевского собора перейдем к следующей теме: Неве. Наш путь к реке лежит мимо Адмиралтейства. Задерживаться нигде не следует. Остановиться лучше всего в том месте, где поворот набережной образует угол, против которого в воде стоит измеритель подъема воды.

Перед нами — «Невы державное теченье, береговой ее гранит».

Набережная реки производит большое впечатление красивыми, плавными изгибами. Ее парапеты из гранита розово-пепельного. Ее разнообразят полукруглые спуски пристаней, подле которых устроены полукруглые скамьи. Сдержанное и строгое окаймление Невы подчеркивает «державный» характер течения ее обильных вод. Набережная создавалась в период от 1764 — 1784 годов, в ее создании принимал большое участие Фельтон.

За рекой видны стройные линии старых, невысоких строений Васильевского острова. Перед нами та же панорама, что была и в дни наводнения, воспетого Пушкиным.

Гораздо сильнее изменилась набережная, на которой находимся мы. Адмиралтейство не было испорчено тогда безобразными строениями конца XIX века. Набережной улицы также не было. Пять небольших узких бухт правильной формы прорезывали берег. Канал протекал внутри здания, огибая его внутренние части. Бульвар с невысокими деревьями огибал корпус внешней стороны, упираясь обоими концами в пристани. За Адмиралтейством виднеется Зимний дворец в то время не красный, а окрашенный в два цвета, быть может, оранжевый и белый.

Широкое водное пространство пролегает между двумя набережными. Всмотримся пристально в эти колышащиеся в своем течении воды, сдавленные в своем гранитном ложе. Перед нами «побежденная стихия». Однако, всякий петербуржец знает бурные осенние ночи, когда с моря дует порывистый ветер, влажный и теплый, и почерневшая Нева поднимается в своих берегах и начинает казаться такой зловеще-грозной. Сквозь посвисты ветра слышны тревожные сигналы пушечной пальбы...

Основатель Петербурга хорошо знал, где он выбирал место для своего города. Ему не раз приходилось иметь дело с попытками восстания «укращенной стихии». Едва был основан Петербург, как произошло наводнение. «Работы по возведению валов крепости были прерваны 19 Августа (1703 г.) наводнением, разнесшим часть леса и обратившим на несколько дней в болото место лагерного расположения войск. После окончания многолетней северной войны (1721 г.), утвердившей Петербург за Россией, после торжественных празднеств провозглашения Петра императором, Петербург подвергся сильному троекратному наводнению, сопровождавшемуся пожарами. Через два года и снова в ноябре — новое наводнение. Оно повторилось в ноябре и еще через два года.

Эти периодические набеги Невы на новую столицу казались населению зловещими предостережениями грядущего потопа. Так, предвестниками извержения вулкана

являются глухие толчки из глубины клокочущего кратера. Мысль о гибели Петербурга от воды укреплялась в сознании народа. Так создавалась почва для «творимой легенды». Ряд поэтов в более позднюю эпоху развил эту тему. Одоевский, Лермонтов, Мережковский создали картины петербургского потопа. Даже французский романтик Жерар-де-Нерваль отдал дань этой теме, сделавшейся модной. Лермонтов набросал картину затопленного Петербурга, от которого остался виден выступающий над водой ангел, указующий на небо (Александрийского столпа). Печерин в поэме изобразил гибель северной столицы от наводнения. Поэт И. Димитриев в стихотворении «Подводный город» представил ропщущее, стонущее море, похоронившее Петербург. Над волной поднимается ангел шпиля Петропавловской крепости. Красивая легенда объясняет гибель самого Петра от борьбы с водной стихией. Он простудился, спасая во время бури тонувших людей, стоя по пояс в воде. Несколько человек, работавших с царем, было унесено водою. Этим событием объяснялась последовавшая вскоре смерть Петра. Умер он, но ему на смену стал на страже города Медный Всадник. Все эти образы пусть пройдут перед нами здесь, перед лицом державной Невы.

Возвратимся к нашей поэме. В основу ее положено описание наводнения 1824 года. Пушкин не был его свидетелем. Он воспользовался описанием В. И. Берха, к которому поэт и отсылает всех интересующихся наводнением [1].

---

[1] «Дождь и проницательный холодный ветер с самого утра наполняли воздух сыростью... С расветом... толпы любопытных устремились на берега Невы, которая высоко воздымалась пенистыми волнами и с ужасным шумом и брызгами разбивала их о гранитные берега... Необозримое пространство вод казалось кипящею пучиною... Белая пена клубилась над водными громадами, которые, беспрестанно увеличиваясь, наконец, яростно устремились на берег... Люди спасались, как могли».

Редеет мгла ненастной ночи
И бледный день уж настает...
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася к морю против бури,
Не одолев их буйной дури...
И спорить стало ей не в мочь...
По утру над ее брегами
Теснился кучами народ,
Любуясь брызгами, горами
И пеной разъяренных вод:
Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гневна, бурлива
И затопляла острова,
И пуще, пуще свирепела
Приподымалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И, наконец, остервенясь,
На город кинулась. Пред нею
Все побежало и вокруг
Все опустело — волны вдруг
Вломились в улицы, в подвалы,
С Невой слились ее каналы,
И всплыл Петрополь, как тритон,
По пояс в воду погружен.

Здесь образ Невы дан Пушкиным с мифотворческой силой. Грозное божество безликого хаоса устремляется на разрушение сотворенного мира. Ритм речи, подбор звуков, в котором слышны то отзвуки бури, то клокотанье водной пучины, усиливают впечатление потрясающей картины потопа. Мы легко можем представить, стоя перед воспетой Невой, образ затонувшего Петрополя, превращенного, хотя и не надолго, восставшей стихией в тот город на воде, о котором мечтал Петр вместе со своим строителем Леблоном.

Направо от нас, как уже было отмечено выше, виднеется грандиозное здание Зимнего дворца. Его массивный корпус с беспокойными барочными формами, увенчанный целой рощей статуй, в то время так же выражавших бес-

покойное движение барокко, а теперь замененных другими, был окружен штурмовавшей его рекою.

Дворец
Казался островом печальным.
. . . .
В тот грозный год
Покойный царь еще Россией
Со славой правил. На балкон
Печален, смутен вышел он
И молвил: «С божией стихией
Царям не совладеть». Он сел
И в думе скорбными очами
На злое бедствие глядел.

Образ Александра подчеркивает смысл образа Петра. Один, смиренный, опускающий покорно перед стихией руки, другой — мощный властелин судьбы, с дерзновенною волей, дух которого — сопротивление природе.

Пора расстаться с созерцанием великой Невы. Повернем обратно, по направлению Исаакиевского собора. Не доходя до него, остановимся перед нарядным дворцом. Это — дом кн. Лобанова-Ростовского, в котором поместилось военное министерство (построен Монферраном — создателем Исаакиевского собора). Здесь мы сможем сосредоточиться на существенном эпизоде поэмы, связанном с личностью Евгения.

Дворец имеет форму прямоугольного треугольника и занимает целый квартал между Исаакиевской площадью, Адмиралтейским и Вознесенским проспектом. Дворец трехэтажный. Нижнему придан характер цоколя, он рустирован. Второй этаж с окнами, убранными наличниками-фронтонами. Третий этаж с небольшими, ничем не отмеченными окнами. «Спокойная разбивка всего фасада с выисканными пропорциями окон трех этажей заставляет

вспомнить лучшие произведения Екатерининской эпохи... Очень удачно решение двух острых углов здания, задача трудная, решенная Монферраном не банально, а чрезвычайно благородно» (Фомин).

Портик с коринфскими колоннами, богатый фриз с играющими эротами и гирляндами, барочный аттик — свидетельствуют о принадлежности этого здания к эпохе упадка классицизма, утратившего первоначальное величие простоты и строгости. Все говорит, что этот дом, если и был здесь во время наводнения, то он был построен недавно и в новом вкусе.

Фасад дворца украшен двумя львами. Их позы выражают тревогу, всклокоченные гривы подчеркивают ее. Львы на страже, готовые броситься на всякого, дерзающего нарушить покой дворца. Им придана некоторая геральдичность, сообщающая торжественность эмблемы герба.

На одном из этих львов спасался от наводнения Евгений...

Тогда на площади Петровой,
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С подъятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижный, страшно бледный
Евгений . . . .

Осмотримся кругом. Напротив нас поэма из камня — Адмиралтейство [1], закрытое в значительной степени деревьями сада. Левее — сквер сенатской площади, сквозь деревья которого просвечивают величественные строения сената и синода [2]. Еще левее простой и строгий манеж [3],

[1] Построено Захаровым между 1806 — 1823 г.г. (Заканчивалось после смерти архитектора, ум. в 1811 г.).

[2] Построены Росси (1829 — 1834).

[3] Построен Гуаренги (1800 — 1804).

недавно заново перекрашенный в два цвета. По левую руку от нас виден грандиозный портал Исаакиевского собора[1]. Постараемся представить себе этот городской пейзаж таким, каким он был в дни наводнения. Исаакиевский собор еще весь закрыт лесами. Его постройка началась семь лет тому назад. Высокие деревья бульвара и сквера не закрывали раскрывающейся отсюда панорамы. Величественное, легкое, полное спокойного и могучего движения творение Захарова со своей «светлой иглой» гордо возвышалось над бушующей окрест стихией. Современных зданий сената и синода не было, они были построены несколько позднее, еще при жизни Пушкина. Во время наводнения на их месте стояли другие строения. На рисунках начала XIX века здесь изображены более скромные здания. При первом взгляде, при малом масштабе рисунка их даже трудно отличить от сменивших их построек Росси. Можно различить два одинаковых здания в классическом стиле с портиками, соединенных аркой, вознесенной над Галерною улицей. Сенатская площадь казалась бурным озером.

Стояли стогны озерами
И в них широкими реками
Вливались улицы.

Представим здесь на льве сторожевом фигуру бедного Евгения.

На звере мраморном верхом
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижный, страшно бледный
Евгений. Он страшился, бедный,
Не за себя. Он не слыхал,
Как подымался жадный вал,
Ему подошвы подмывая,
Как дождь ему в лицо плескал,
Как ветер, буйно завывая,
С него и шляпу вдруг сорвал.
Его отчаянные взоры,
На край один наведены,
Недвижны были...

[1] Построен Монферраном (1817 — 1857).

Он всматривался в лежащий за Невой Васильевский Остров. Его строения теперь едва видны, закрытые деревьями сквера. Тогда ничто не заграждало взоров Евгения.

Словно горы
Из возмущенной глубины
Вставали волны там и злились
Там буря выла. Там носились.
Обломки!.. Боже, боже! Там —
Увы! близехонько к волнам,
Почти у самого залива, —
Забор некрашенный да ива
И ветхий домик: там оне,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во сне
Он это видит! Иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой.
Насмешка рока над землей?
И он как будто околдован,
Как будто к мрамору прикован,
Сойти не может! Вкруг него
Вода — и больше ничего.

Задержимся здесь несколько на теме Евгения. Это один из четырех героев поэмы. Уже выше было отмечено, что Пушкин постепенно все более и более затушевывал образ своего незначительного героя. Это был потомок тех, чье имя в минувшие времена быть может и блистало.

И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало,
Но ныне светом и молвой
Оно забыто.

Быть может, Евгений был потомок тех, кто был одной из жертв петровской реформы, казненного «по слову и делу государя» сторонника преданий старины, или же просто закабаленного в качестве солдата пожизненно в гвардейский полк. Как бы то ни было, сам Евгений несет на себе вековую тяжесть петровской империи и Петербурга, как ее выразителя. Он — одна из миллионов тварей,

превращенных в «орудие одно». У Евгения, исторгнутого из веками сложившегося, крепкого старо-русского быта, нет почвенной, реальной жизни. Он живет случайными мечтами. Его бытие призрачно, как сон.

Вся наша жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка рока над землей.

Наводнение решило его судьбу.

Его сметенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял...
Его терзал какой-то сон...
Он оглушен
Был чудной внутренней тревогой.
И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь, ни человек,
Ни то, ни сё, ни житель света
Ни призрак мёртвый...

Между двумя борящимися силами: безликого хаоса водной пучины — начала разрушительного — и сверхличного гения, определяющего судьбы народов, — начала творческого — отдельный человек с его мечтой о личном счастьи утрачивает всякую историческую реальность.

И нам, стоящим здесь на ступенях портика, когда-то «нового дома», между «львов сторожевых», Евгений кажется далеким призраком. Но его трагичная судьба и связанная с ней общечеловеческая проблема не только не утратили своего значения, но приобрели, среди великих событий нашего грозного времени, небывалую остроту.

Осмотримся еще раз кругом. Как много изменилось с тех пор. Проносятся, подпрыгивая по рыхлой мостовой, с резким гудком автомобили. Грохочут переполненные трамваи и порой над ними под проводом вспыхивает яркая искра. Громыхают медленные телеги и быстрой походкой проходит нервный, суетливый петроградец...

Здесь лучше побывать в другие часы, независимо от экскурсии, задумчивой белой ночью, когда прозрачен сумрак, блеск безлунный и

Ясны спящие громады
И светла адмиралтейская игла.

что прямо перед нами. В этой тишине пустынных улиц явственней прозвучит «зловещее преданье» и мы, освобожденные от рассеивающих впечатлений дня, сильнее ощутим над собою власть места.

Евгений сидит прикованный к мраморному льву. Его взор обращен туда, где у самого залива стоит ветхий домик Параши. Прямо перед ним, ближе к Неве,

... Обращен к нему спиною
В неколебимой вышине
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

В наши дни из-за густой сети черных ветвей его можно скорее угадать, чем увидеть. В летние дни его совсем невозможно различить. Но стоит только спуститься вниз и войти в сквер, как Медный Всадник вырисуется над небольшим холмиком, весь устремленный в манящую даль.

* * *

По возможности не теряя статуи из виду, будем медленно приближаться к ней. По мере уменьшения расстояния, постепенно будет нарастать впечатление силы ее движения и мощности ее форм. Медный Всадник предстанет перед нами первоначально в том виде, как он дан впервые в поэме:

И обращен к нему спиною
В неколебимой вышине...

Первое впечатление захватывает настолько сильно, что трудно остановить внимание на деталях, трудно отрешиться от целостного образа. Хочется закрыть глаза, чтобы справиться с охватившим волнением, чтобы наступил более спокойный и ясный момент созерцания.

Начать разбор памятника лучше всего сзади, несколько с правой стороны. Отсюда все линии в своем бурном движении увлекут нас вперед за собой. Легко выделить основную схему композиции — треугольник и скалы и всадника. Движение в скале особенно подчеркнуто растянутостью заднего острого угла, срезанностью вершины треугольника и, наконец, дугообразной выемкой передней стороны, резко обрывающей движение. Твердые грани скалы по бокам подчеркивают и разнообразят общий ритм движения. Граней этих немного, но в них сила и благородная сдержанность. Скала из серого гранита.

Треугольник всадника вознесен над треугольником скалы. Его основание, в части, соприкасающейся со скалой, удлинено (в форме хвоста коня) и заострено линией змеи, что подчеркивает силу и напряженность взлета. Общее движение статуи начинается на покатой линии скалы. В кольцах змеи оно приобретает быстро нарастающую силу. Отсюда исходят все линии, стремительно разбегающиеся по формам коня, складкам плаща, отброшенного назад сильным движением, по космам развевающейся гривы...

Движение замирает, парализованное какой-то силой в резко подогнутых, застывших в воздухе передних ногах коня. Этим силам взлета и бурного устремления вперед противоставлена задерживающая сила. Она подчеркнута поворотом головы всадника спокойным и твердым и линией правой руки, пересекающей быстрым и властным жестом общий ток движения, повелительно вносящей успокоение. Все это сложное, двойное движение статуи станет вполне ясным, если начать самому медленно передвигаться, обходя ее с левой стороны, все время фиксируя взгляд на центре статуи. Остановимся спереди, все еще со стороны здания сената. Отсюда конь кажется особенно могучим, сила, вздернувшая его на дыбы, — гигантской, и все-таки, именно здесь, ощущается сильнее всего опасность срыва. Успокаивающего жеста правой руки не видно. Голова Петра повернута и грозный профиль очерчен резко. Обойдем ста-

тую спереди и остановимся несколько сбоку. Здесь все линии, подчеркивающие движения вперед, обращены навстречу созерцающему, оттого-то задержавшая их сила особенно ясна. Правая рука кажется поднятой, рука повелевающая стихиям. Линия плаща и линия хвоста коня круто обрываются; это подчеркивает силу, задержавшую движение. Отсюда лучше всего виден лик. «Он весь, как божия гроза».

На скале лаконичная подпись, теперь сильно разрушенная:

Petro primo
Catharina secunda
MDCCLXXXII [1]

Памятник—творение французского скульптора Фальконе, рекомендованного Екатерине II энциклопедистом Дидеро.

Этьен Морис Фальконе, родившийся в 1716 году, был сын столяра. Сначала, в качестве простого рабочего, работал у резчика по дереву. Потом попал в мастерскую скульптора Лемуана. Впоследствии был удостоен звания члена французской академии художеств. Фальконе поехал в Россию, сговорившись за чрезвычайно умеренное вознаграждение. Он обусловил себе право на свободное творчество. Однако, условие не было выполнено. Еще во Франции ему пришлось выдержать борьбу за свой проект с Дидеро, у которого была своя идея памятника. Философ-рационалист хотел видеть Петра в образе героя, гонящего перед собою варварство в звериной шкуре и приветствуемого олицетворенной любовью народной, тут же у вод бассейна должен был быть представлен осчастливленный царем народ. Фальконе писал Дидеро: «Монумент мой будет прост. Там не будет ни варварства, ни любви народной, ни олицетворения народа... Петр Великий сам себе сюжет и аттрибут — довольно показать его... Он подымается на верх скалы, служащей ему пьедесталом, — эмблема по-

[1] В настоящее время буквы восстанавливаются обществом «Старого Петербурга», взявшим на себя охрану памятника.

бежденных им затруднений. Итак, эта отеческая рука, эта скачка по крутой скале, — вот сюжет, данный мне Петром Великим...»

Дидеро сдался сравнительно легко. Он высоко ценил скульптора. «Вот гениальный человек, полный всяких качеств, свойственных и несвойственных гению. В нем есть бездна тонкого вкуса, ума, деликатности, прелести и грации; он неотесан и выполирован, мил и шершав, нежен и суров; он мнет глину, обрабатывает мрамор, и в то же время читает и размышляет»... «этот человек думает и чувствует с величием; его идея мне показалась новой и прекрасной».

Труднее было Фальконе преодолеть сопротивление Бецкого, которому был поручен надзор над сооружением памятника. Скульптору удалось склонить на свою сторону императрицу. Но симпатия Екатерины II была непрочна. Фальконе покинул Россию до открытия созданного им памятника.

Для пьедестала памятника он использовал гранитный монолит из окрестностей Петербурга, который удалось с огромным трудом доставить на нужное место. Конь Петра нашел себе модель среди арабских жеребцов конюшен графа Орлова. Царя Фальконе лепил с генерала Мелиссино, который напоминал своим сложением Петра. Голову всадника создала любимая ученица Фальконе, Анна-Мария Колло, впоследствии жена его сына [1]).

В заключении этой справки интересно отметить одну деталь, характеризующую идею, которую вкладывал в свое создание сам Фальконе, защищая свой проект в целом: требовалось уничтожение змеи под ногами коня Петрова).

«Не могу не сказать вашему величеству, что многие из видевших змею нашли ее мыслью: тем более остроумной, что о н а в о з в ы ш а е т о б щ у ю и д е ю памятника, поддерживает работу и скрывает способом своего выполнения необходимость, ее обусловившую».

---

[1] Н. В. Вейнерг подробно излагает историю создания памятника в своей экскурсии «По уличным монументам Петербурга».

Таким образом мы видим, что змея является не только необходимым элементом в общей архитектонике памятника, но представляет собою необходимую иллюстрацию идеи — повержённое зло.

Змея судорожно извивается под копытами коня, ее голова в бессилии опрокинута, жизнь покидает ее.

Такова статуя Фальконе и ее история.

Что увидел в ней Пушкин, что захотел передать? Безумный Евгений узнал того,

Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Над морем город основался...
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе,
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О, мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Пристально всмотримся в это видение поэта. Является ли оно только элементом внутреннего, замкнутого бытия Пушкина, или же в нем мы узнаем знакомые черты вознесенного перед нами Медного Всадника? В этом описании замечательно подчеркнуто двойное движение статуи Фальконе. С одной стороны, огненный конь, устремленный в неведомую и страшную даль, с другой — грозный всадник с великой думой на челе, с великой силой в нем сокрытой, мощным движением останавливающий бег у самой бездны. Общее впечатление застывшего бурного движения. Здесь не следует искать иллюстрации к романтической теории тождества всех искусств. Здесь мы не будем утверждать, что одна и та же «Идея» воплотилась в статуе и в образе художественного слова субстанционально тожде-

ственных. И личность творца и индивидуальность эпохи возложили на то и другое свою особую печать, присущую каждому из них. Но о проникновении одного художественного образа другим мы говорить вправе, и теперь перед нами прекрасный пример созвучия между двумя памятниками различных видов искусства. Общее основное впечатление — застывшее бурное движение. Медный Всадник, неподвижно возвышаясь на своем звонко скачущем коне среди окрестной мглы, преисполнен древнего ужаса.

В этом отрывке нашей поэмы мифа — апофеоз Петра его обожествление. Его воля названа роковой. Почему? Означает ли это осуждение его дела? Конечно, нет. Роковая она потому, что дерзнула преступить пределы, положенные человеческому творчеству. Законы, наложенные на волю человека, нарушены. На бой вызваны космические силы. Действующим лицом трагедии становится самый рок. Покарает ли он Медного Всадника, как карал всякого, дерзнувшего выступить на борьбу с ним в античной трагедии? Пророчески насторожился поэт перед разверзшейся бездной грядущего.

Будет еще не одна схватка света (творящего гения) и мрака (безликих стихий). Ведь темные силы хаоса и после победы космократора Мардука «превращали все светлое в мрак». Восстали укрощенные стихии против града чудотворного строителя. Но не одолеть его мрачным стихиям. Пушкин верит в судьбу Петра творения. Трагедия разрешается не на античный лад. Гений человеческий является мощным властелином судьбы.

...Утра луч
Из-за усталых, бледных туч
Блеснул над тихою столицей
И не нашел уже следов
Беды вчерашней. Багряницей
Уже покрыто было зло.
В порядок прежний все пришло.

В поэме Пушкина есть еще один герой неведомый античной трагедии. Этот герой — рядовой человек, сознающий свое право на личное счастье. Это — герой нового времени, индивидуалистической культуры, на почве которой прозвучали слова: человек — самоцель. После восстания укрощенных Петром стихий наступил самый напряженный момент поэмы: бунт маленького человека, потомка тех, на чьих плечах создался Петербург, строился мир новой России.

Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошел
И взоры дикие навел
На лик державца полумира.
Стеснилась грудь его. Чело
К решетке хладной прилегло,
Глаза подернулись туманом,
По сердцу пламень пробежал,
Вскипела кровь. Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом
И зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой черной,
«Добро, строитель чудотворный!»
Шепнул он, злобно задрожав
«Уже тебя!...» И вдруг стремглав
Бежать пустился.

После восстания стихий, бунт одного из миллионов принесенных в жертву русской государственности. Конец один и тот же. Торжествует Петр.

Показалось
Ему, что грозного царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой —
Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И озарен луною бледной,

Простерши руку в вышине
За ним несется Всадник Медный
На звонко скачущем коне.
И во всю ночь, безумец бедный,
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

Всмотримся теперь уже прощальным взглядом в Медного Всадника. Представим себе, как «грозного царя, мгновенно гневом возгоря, лицо тихонько обращалось». В ритме его движения мы ощутим ритм строф Пушкина:

Как будто грома грохотанье —
Тяжело звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.

Мистерия закончилась. Победил Медный Всадник. Кто он, этот Георгий Победоносец новой России, на огненном коне, повергающий во прах змия! Попирая стихии, попирая судьбы маленьких людей, влечет он великую страну в неведомое будущее...

* *
*

Он стоит перед нами и теперь, олицетворяя в себе миф Петербурга. Как в каждом мифе, скрыта и в нем правда зловещего преданья, быль, преображенная творческим сознанием в космогонический миф.

Великие силы вызвали к жизни Петербург, страшные препятствия стояли на пути его развития, но с ясною верою можно и нам вместе с Пушкиным взирать на его будущее.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

ЛИТЕРАТУРА

Начало Петербурга.

Гассерт, К. Города М. 1912 г.
Райков, Б. Е. На чем стоит Петербург?
Немиров, Гр. Петербург до основания.
Петров, П. Н. История Санкт-Петербурга.
Князьков, С. Очерки из истории Петра Великого.
Грабарь, И. История русского искусства (выпуск XIII).
Столпянский, П. Н. Санкт-Питербурх.
Его же. Петропавловская крепость.
Курбатов, В. Я. Петербург.
Божерянов, И. Невский проспект.

Миф о строителе чудотворном.

Вундт, Миф и религия.
Брикнер, А. Г. История Петра Великого.
Соловьев, С. М. История России от древнейших времен, т.т. XIV—XVI.
Смирнов, П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в.
Грабарь. История русского искусства (выпуск IX).
Собко, Н. Фальконе. Библ. словарь.
Белинский, В. Г. Сочинения Александра Пушкина.
Мережковский, Д. С. Вечные спутники. Пушкин.
Брюсов, В. Медный Всадник. Пушкин, т. III. Изд. Брокгауз-Ефрон.
Текст Медного Всадника по изд. Брокгауз - Ефрон и по изданию Комитета популяризации художественных изданий (с рис. Александра Бенуа).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Следует.*
11	16 снизу	называлось	называли
14	5 „	Немиров. Гор.	Немиров. Гр.
21	17 сверху	Петровской	Начальной
„	6 снизу	На месте	вместо
25	17 „	Канау	Конау
27	13 „	Доменика Трезини	Доменико Трезини
29	20 „	Н. П. Петрова	П. Н. Петрова
33	11 сверху	патриарху Филарету	отцу патриарха Филарета
39	13 „	перед ними	перед нами
„	11 снизу	тема	схема
69	11 сверху	перед ним	перед нами
81	2 снизу	Н. В. Вейнерг	Н. В. Вейперт